

ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Ленинабадском районе Таджикистана много колхозов-миллионеров. Доходы колхоза имени Сталина составили в прошлом году свыше двадцати миллионов, колхоза имени Кагановича — около пятнадцати миллионов. На снимке: кассир колхоза имени Кагановича А. Рахматов получает в Госбанке полтора миллиона рублей наличными для выдачи колхозникам аванса на трудодни.

Фото О. Кнорринга

На первой странице обложки: ИХ СРОДНИЛ ОБЩИЙ ТРУД НА БЛАГО РОДИНЫ, НА БЛАГО МИРА. Старший мастер московского завода «Красный пролетарий» лауреат Сталинской премии Иван Тимофеевич Белов и выпускник ремесленного училища Александр Самкотрясов, молодой стахановец-строгальщик, выполняющий норму на 200—270 процентов.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: солистка Туркменского государственного театра оперы и балета, участница Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине Набат Аннаева исполняет танец с пиалами.

Фото О. Кнорринга и М. Савина

Третья Всесоюзная конференция сторонников мира. На снимках: вверху — президиум конференции: с докладом выступает тов. Н. С. Тихонов. Внизу — в зале заседаний конференции.
Фото Д. Бальтерманца и А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 49 (1278)
2 ДЕКАБРЯ 1951
29-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОТСТОИМ ДЕЛО МИРА!

Третий раз посланцы советского народа собрались на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Конференции предшествовала всенародная кампания по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Ныне под этим Обращением значатся подписи 117 669 320 граждан СССР. Нет и не может быть в стране социализма человека, который не поддержал бы благородного призыва — обеспечить мир во всем мире.

День ото дня крепнет и сплачивается лагерь мира и демократии. В дни невиданного по масштабам всемирного опроса около 600 миллионов рук поднялось в защиту мира, почти половина взрослого населения земного шара высказалась за мир.

Движение за мир — одно из величайших движений современности — вдохновляется примером советского народа. Для сотен миллионов людей надежды на мирное будущее связаны со страной социализма; с любовью и благоговением произносят они имя Сталина — знаменосца мира.

Выступивший с докладом председатель Советского Комитета защиты мира тов. Н. С. Тихонов выразил непреклонную решимость советского народа бороться за мир, добиваться новых трудовых успехов, укреплять могущество СССР.

Третья Всесоюзная конференция сторонников мира вновь продемонстрировала, что СССР был и остается оплотом мира. В первый же день с трибуны конференции раздался могучий голос всей нашей Родины. Нам нужен мир, заявил каменщик В. В. Королев, чтобы и дальше камень за камнем воздвигать грандиозное здание коммунизма. От имени ученых призывал к борьбе за мир академик А. Н. Несмеянов, чтобы наука могла служить жизни. Думы и чаяния колхозного крестьянства выразила председатель колхоза «XII Октябрь», Костромской области, П. А. Малинина, чтобы цвели наши поля, еще изобильней были урожаи, еще краше стала жизнь. Начальник строительства Главного Туркменского канала С. К. Калижнюк представлял огромную армию строителей, призванных преобразить природу, напоить пустынные земли водой, ярким светом озарить города и села.

Все выступления делегатов, горячо поддерживавших внешнюю политику СССР, были проникнуты сознанием силы нашего могучего государства. Мы против войны, потому что она сопряжена с бедствиями для простых людей всего мира. Война не нужна нашему народу, потому что Сталинская Конституция предоставила нам величайшее счастье свободно жить и мирно трудиться.

Во имя светлого будущего человечества наш народ начертал на своих знаменах сталинские слова: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира».

КОНСТИТУЦИЯ СЧАСТЬЯ

Я. ФОМЕНКО

Полтора десятилетия тому назад в жизнь советских людей светлым праздником вошла новая дата. Пятого декабря 1936 года, по предложению Иосифа Виссарионовича Сталина, Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов принял ныне действующую Конституцию СССР.

По старой привычке мы обычно говорим о рубежах между веками. Кончилось одно столетие — началось другое... Но границы времени условны. Годы и десятилетия шагают друг за другом в сомкнутом строю, и листки календаря отличались бы только цифровыми обозначениями, если бы на них не запечатлевались события общественной жизни. Характер века узнается не по величине астрономического времени, а по значимости того, что совершено людьми. Труд и подвиги народов, творящих историю, накладывают свою печать на время и формируют характер эпохи.

Введение новой Конституции законодательно закрепляло реальные, осязаемые результаты величайшей из революций — революции Октября 1917 года. Исторический подвиг советских народов увенчался новой победой. Устами мудрого вождя, творца Конституции, всему миру было возвещено: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй...». Из лозунга, из программы социализм силой революционного творчества масс был превращен в действительность; и это событие придало неповторимый облик нашей современности, открыло эпоху социалистического прогресса.

Много десятилетий человечество искало путь к социализму и не находило его, пока не родилось марксистско-ленинское учение о преобразовании жизни людей на началах коммунизма. Созданная Лениным и Сталиным партия большевиков, вооруженная революционной марксистско-ленинской теорией, подняла народные массы на борьбу за справедливый общественный порядок. Будущие историки эпиграфом для своего многотомного произведения о XX веке с полным основанием изберут крылатые слова из ленинского «Что делать?»: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! Деятельность партии Ленина — Сталина повернула историческое развитие нашей страны. Через Октябрь 1917 года наша Родина пришла к 5 декабря 1936 года, прочно закрепив за собою приоритет в открытии путей к счастью, о котором веками мечтали люди труда.

За пятнадцать лет, прожитых нами после 1936 года, всесторонне раскрылись преимущества восторжествовавшего на советской земле порядка жизни в сравнении с любым другим общественным порядком. Социалистический способ производства открыл недоступные для капитализма возможности развития производительных сил. Экономический фундамент советского строя оказался нерушимым, выдержал все испытания на прочность. На основе непреложных фактов доказано, что творческая мощь нового общества неисчерпаема.

В наши дни все честно мыслящее человечество является живым свидетелем созидательной деятельности советских людей. То, что творится ныне у стен Сталинграда и близ Жигулей, на Дону и Днепре, в Средней Азии и в Крыму — на всей необъятной территории социалистического государства, вызывает восхищение тех, кто не утратил способности справедливо оценивать факты и явления. Гигантский размах строительных работ, развернувшихся у нас в последние годы, тем более знаменателен, что не так давно наша страна подверглась опустошительному фашистскому нашествию.

Откуда же берутся у нашего народа такие титанические силы? Где источник той всемогущей энергии, которая сокрушила в недавнем прошлом захватнические армии мировой реакции, позволила залечить с поразительной быстротой раны войны и семимильными шагами двинуться вперед, к коммунизму? Людям, искренно стремящимся понять это «чудо из чудес», наш народ имеет право с гордостью и достоинством сказать: «Объяснение надо искать в статьях Сталинской Конституции!»

Социализм уничтожил извечную несправедливость в распределении материальных и культурных благ. В статьях Сталинской Конституции нашли узаконение коренные основы нового образа жизни: общественная собственность на средства производства, природные богатства и на все, что создается руками народа, власть трудящихся, ничем не ограниченное равноправие наций и рас, свобода и подлинный демократизм. В незыблемости этих главных устоев общественной жизни советский человек черпает вдохновение и созидательную энергию. Он знает: так же как солнце рождает свет и тепло, социализм рождает свободу и счастье.

Если спросить простого советского человека, что составляет основу его жизни, что является источником его благополучия и счастья, он ответит: единство и слитность его личных интересов с интересами государства. В самом деле, разве мы не ощущаем каждодневно, как вместе с ростом общественных богатств неуклонно улучшается материальное благосостояние каждого гражданина нашего государства? Разве мы не видим, что процветание Родины — рост и развитие ее хозяйства, науки, культуры — одновременно означает улучшение условий жизни всех советских людей, несет облегчение труда, повышение культуры, делает нашу жизнь все более полнокровной, а наш быт — все более красивым?

Все ради человека и для счастья человека! — такова главная сущность нашего государственного строя, таково главное содержание деятельности советского государственного аппарата, такова главная цель трудовых усилий всего социалистического общества. Поэтому мы рады каждому проценту увеличения производства и добычи металла, нефти, угля, станков. Поэтому мы с радостью встречаем каждое новое открытие и достижение советской науки, способствующее общему подъему народного хозяйства и техники.

В дни Октябрьских праздников наши люди с удовлетворением узнали о том, что национальный доход СССР в 1951 году возрастает на 12 процентов по сравнению с прошлым годом, что производительность труда в промышленности повысилась на 10 процентов. В цифрах роста общегосударственных доходов и производительности труда советские люди привыкли видеть и результаты своего творчества и главный источник своего растущего благополучия. И то, что эти цифры неизменно говорят о подъеме, о достижении все более высокого уровня общественного благосостояния, вселяет в душу советского человека чувство величавого спокойствия за судьбу Родины, за ее будущее, за свое личное счастье. Впереди — дальнейший расцвет, впереди — еще более полнокровная жизнь, новые замечательные дела и достижение новых, еще более высоких целей. Что может сделать человека более счастливым, чем эта уверенность в постоянстве счастья?!

Трубадуры современного капитализма пытаются окрестить нынешний век «американским веком», проектируют «американизацию планеты». Что же они могут предложить человечеству? Чем они могут увлечь, вдохновить народы? Может быть, пресловутой американской «сверхдемократией»?

Но совсем не так трудно понять, что означают истошные вопли о «сверхдемократии». Прикидываясь «сверхдемократами», окончательно потеряв способность реально оценивать историческую обстановку, обитатели Уолл-стрита намереваются навязать народам земного шара образ жизни, ненавистный абсолютному большинству человечества. Проще говоря, они бредят владычеством над миром.

В докладе Л. П. Берия о 34-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции по поводу сумасбродных планов правителей США говорится, что у каждого честного человека возникает законный вопрос: на каком основании претендуют США на исключительное положение среди других стран? Разве народы мира не равноправны. Может быть, на том основании, что у них имеется много золота, нажитого на крови и страданиях миллионов и пригодного для подкупа? Но народы не торгуют своей свободой. Пусть не убаюкивают себя господа американские империалисты мыслью, что раз им удалось купить на золото некоторых правителей в буржуазных странах, то тем самым они купили также и народы этих стран.

Не покупается за доллары ни свобода, ни счастье народов. Свобода добывается, а счастье куется руками самих народов. На своем жизненном опыте и особенно на опыте строительства новой жизни в СССР все большее и большее число простых людей убеждается, что социализм открывает путь к счастью, миру, свободе, расцвету творчества и культуры, тогда как капитализм несет войны, страдания, унижение человеческого достоинства и растлевающие душу «прелести» своей цивилизации. Сотни миллионов населения Китая и народно-демократических стран Европы уже сделали окончательный выбор между капитализмом и социализмом, объединились в единый и непобедимый лагерь мира и демократии, возглавляемый Советским Союзом. Сбылись вещие сталинские слова о том, что осуществленное в СССР «вполне может быть осуществлено и в других странах».

Рост могущества лагеря демократии и мира приводит в бешенство поджигателей новой войны. Пожалуй, никогда, даже во времена Геббельса, враги социализма не прибегали к таким беззастенчивым и чудовищным по своей дикости приемам клеветы, какие теперь применяют американо-английские империалисты.

Источники такого чрезмерного усердия неофашистских «сверхмастеров» лжи не составляют большой загадки. Ложь — оружие слабых. К ней прибегает тот, кто боится правды и не в состоянии открыто и честно смотреть в лицо фактам. Чем слабее становятся империалисты, тем больше они лгут и клевещут. А факты говорят о непрерывном ослаблении лагеря войны и реакции и неудержимом росте могущества лагеря мира, демократии и прогресса. Какие бы потоки лжи ни изливались из банкирских, министерских и редакционных кабинетов Вашингтона и Лондона, истина остается истиной: в лице нашей Родины, озаренной светом Сталинской Конституции, человечество имеет неутомимого поборника мира, дружбы и счастья народов. Бескорыстного, честного и непобедимого! Никакими средствами, никакими жульническими приемами империалистам не опровергнуть эту истину! Сие от них не зависит!

Мы называем свое будущее одним, дорогим для нас и полным глубокого смысла и значения словом — коммунизм. В нем слились воедино и наша любовь к своей прекрасной Родине, и верность всепобеждающему учению Ленина — Сталина, и готовность беззаветно трудиться на благо и счастье всего человечества. В Сталинской Конституции записано добытое и завоеванное советскими людьми — строителями коммунизма. Поэтому мы называем свой Основной Закон Конституцией счастья.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ ЛУЧКОВ

Фотоочерк

С. ФРИДЛЯНД

Закарпатье. Село Великие Лучки, Мукачевского округа. Местные жители поведут вас по сельским улицам и переулкам, охотно покажут и расскажут обо всем, чего здесь не было раньше, каких-либо 5—6 лет назад. Не было ни этих домов, ни больницы, ни клуба, ни библиотеки, ни, тем более, радиоузла. Впрочем, здание, на фасаде которого прибита дощечка «Родильный дом», существовало и прежде. Но при оккупационном режиме Хорти здесь размещалась фашистская жандармерия. И выглядело оно совершенно иначе!

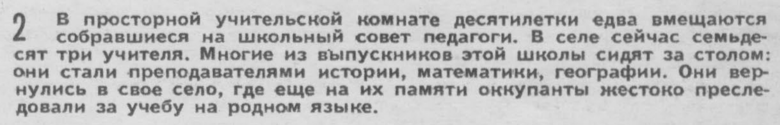
Ничего общего с прошлым не имеют и судьбы людей — жителей Великих Лучков.

Вот один из них, Андрей Курта. Что он может вспомнить о прошлом?

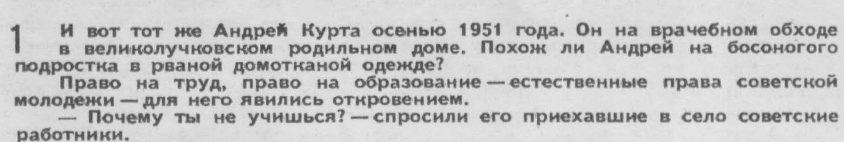
...Уходящие далеко к горизонту поля венгерского графа. На полях работают сотни опаленных зноем батраков. Семнадцатилетний Андрей, утоляя жажду, задержался у бочки с теплой и гниловатой водой. Грубый окрик и оскорбительная брань надсмотрщика, недостаточно почтительный ответ, и... избитый паренек вновь принимается за опостылевший рабский труд.

— Страничка истории. Феодализм,— скажет наш пятиклассник.

Это уже история и для сельской молодежи советского Закарпатья, однако не такая давняя. Андрей Курта батрачил еще осенью 1944 года. Но это был последний год его горькой доли. Над Закарпатьем засияло солнце Сталинской Конституции, здесь утвердилась своя, народная власть.

2 В просторной учительской комнате десятилетки едва вмещаются собравшиеся на школьный совет педагоги. В селе сейчас семьдесят три учителя. Многие из выпускников этой школы сидят за столом: они стали преподавателями истории, математики, географии. Они вернулись в свое село, где еще на их памяти оккупанты жестоко преследовали за учебу на родном языке.

1 И вот тот же Андрей Курта осенью 1951 года. Он на врачебном обходе в великолучковском родильном доме. Похож ли Андрей на босоногого подростка в рваной домотканой одежде?

Право на труд, право на образование — естественные права советской молодежи — для него явились откровением.

— Почему ты не учишься? — спросили его приехавшие в село советские работники.

— А можно? — с затаенной надеждой спросил Андрей.

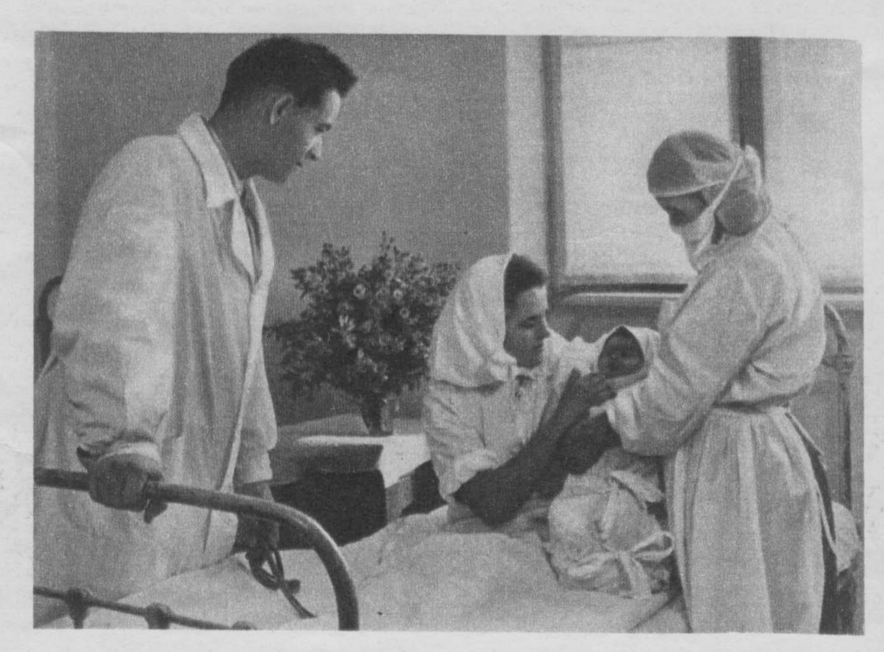
— Нужно,— последовал ответ.

И через недолгое время комсомолец Курта, закончив школу, уехал в город. Таких, как он, юношей и девушек из сел Закарпатья мы видели немало в техникумах и институтах Ужгорода и Мукачева.

В 1950 году Курта окончил трехгодичный курс в фельдшерско-акушерской школе и приехал назад в Великие Лучки, начал работать в недавно открытой сельской амбулатории.

Снова в родных местах! Какие глубокие, коренные перемены! Еще недавно один врач обслуживал всю округу — свыше десяти сел. А сейчас только в Великих Лучках главный врач возглавляет дружный коллектив из четырнадцати медиков.

Взгляните еще раз на снимок. Если б не советская власть, не только Андрей Курта не стал бы фельдшером. Разве могла бы крестьянка Мария Трикур попасть в такой чудесный родильный дом? Разве получила бы образование медицинская сестра Мария Вайданич, дочь батрака?

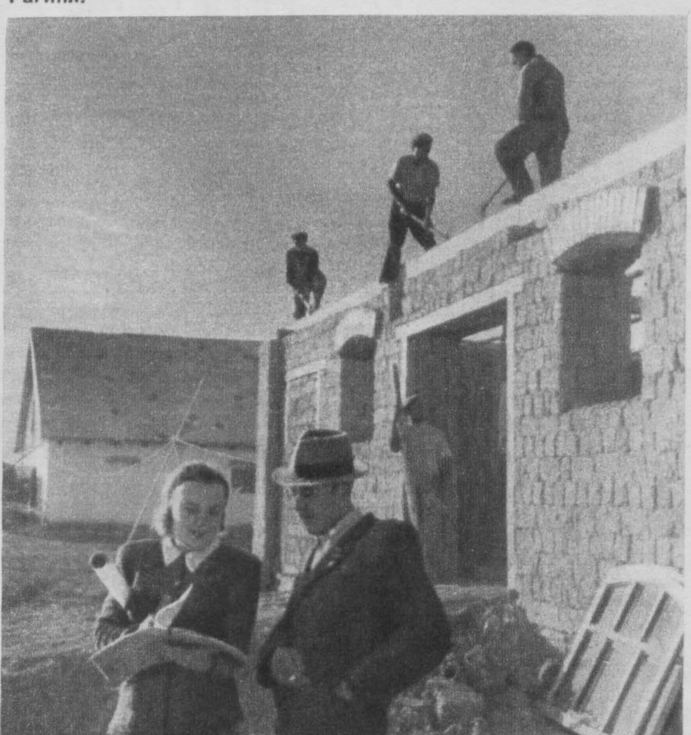

3 Колхоз имени Ленина в селе Великие Лучки имеет свой радиоузел. Еженедельно отсюда передается колхозная радиогазета. На снимке (слева направо): учительница З. И. Потопальская, агроном А. Н. Везель, фельдшер А. Ю. Курта, учитель И. Д. Пагиря, директор средней школы Ю. Ю. Лешко, звеньевая Герой Социалистического Труда А. М. Ладани.

4 На краю села не утихает стройка. Одно за другим вырастают здания колхозных ферм. Строят добротные, красивые дома и в самом селе: к концу нынешнего года колхозные улицы украсились 80 новыми постройками.

Надежный помощник председателя колхоза Героя Социалистического Труда Юрия Рубиша — молодой техник-строитель Агнесса Рагиня.

5 Одногодки Юрий Макусий (слева) и Василь Рубиш вернулись в родное село зоотехниками и сразу вошли в круг многообразных интересов колхоза имени Ленина. Богато живет колхоз! Полторы тысячи голов крупного рогатого скота, столько же свиней, племенная конеферма, овцы и кролики — пять животноводческих ферм! И всюду нужен хозяйский глаз специалиста, вооруженного современной наукой.

Василю уже не хватает полученных в зоотехнической школе знаний. Вечерами вместе с приятелем Юрием он готовится к экзаменам на заочные зоотехнические курсы.

6 Получить высшее или специальное среднее образование — к этому стремится едва ли не вся молодежь Великих Лучков. Тридцать девять юношей и девушек поступили в вузы и техникумы только в прошлом году. Теперь не обязательно ехать на учебу в Киев или Львов: в Ужгороде открыты университет и учительский институт. Елену Гунтинович, Ирину Голод, Елену Кепич, Михаила Бубряка, Дмитрия Рубиша и других — большую группу лучковцев — мы засняли в Ужгороде в утренний час, когда они направились на занятия в учительский институт.

* * *

Новая жизнь строится в Великих Лучках. Большие пути открыты Сталинской Конституцией перед всеми трудовыми людьми Закарпатья. Прекрасное будущее ждет их на этих путях!

НА ПОДМОСКОВНОЙ ЗЕМЛЕ

Фото А. ШАЙХЕТА и М. САВИНА

Есть в истории Великой Отечественной войны даты, которые никогда не сотрутся в памяти человечества. Кто забудет морозные декабрьские дни героического контрнаступления советских войск, разгромивших фашистские полчища под Москвой!

Вражеские части стояли тогда в 25 километрах от столицы нашей Родины. Гитлеровское информбюро сообщало в начале декабря 1941 года, «что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль». Редакциям берлинских газет было приказано оставить пустые места в номере от 2 декабря для сообщений о взятии Москвы.

Тем временем советские воины, продолжая вести оборонительные бои, изматывать гитлеровцев, готовились к осуществлению гениального плана И. В. Сталина. И вот настал долгожданный день, о котором из сообщения Советского Информбюро узнал весь мир: 6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта перешли в контрнаступление.

В веках не померкнет слава воинов, разгромивших фашистские дивизии на полях Подмосковья. Это здесь прогремели имена панфиловцев. Это, защищая Москву, политрук Клочков-Диев бросил слова, навсегда вошедшие в историю: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва».

Англо-американские фальсификаторы истории пытались и пытаются объяснить разгром гитлеровцев на полях Подмосковья в декабре 1941 года... «географическими факторами». Повторяя фашистские басни о «генерале-зиме», англо-американцы тоже склонны все дело свести к суровой зиме: перед ней-де не устояли фашисты. Горе-воякам из-за океана, которые вместе с Гитлером предвещали неминуемое падение столицы СССР, не удастся скрыть истинные причины разгрома фашистских войск под Москвой.

Могучие силы народа, руководимого партией большевиков, доблесть, отвага, мастерство наших воинов, советский общественный и государственный строй обеспечили эту первую крупную победу во второй мировой войне. Гений И. В. Сталина раскрыл замысел врага, дал нам силы и средства для завоевания победы. Разгром гитлеровцев под Москвой, развеяв миф об их непобедимости, оказал огромное влияние на весь последующий ход войны.

Миновало десять лет с тех пор. На примере одного подмосковного города — Истры — мы рассказываем о послевоенной жизни на освобожденной земле.

1

Истра! Мирное родное Подмосковье, чудесный зеленый городок, живописно раскинувшийся на холмах. Сюда до войны приезжали дачники, чтобы провести здесь лето, приезжали экскурсанты, туристы, чтобы поклониться местам, где жил Чехов, полюбоваться историческим памятником русского зодчества — Ново-Иерусалимским храмом.

И вот в Истру ворвалась война — жестокая и опустошительная. А вскоре все человечество узнало о страшной истринской трагедии. Гитлеровцы сожгли в этом городке все дотла, взорвали Ново-Иерусалимский храм.

Этот снимок, сделанный в те дни, вновь напоминает нам об ужасах войны, о том, что пришлось пережить жителям подмосковного города.

2

«Нам необходимо полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Это большая, общенародная задача. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок».

Вдохновленные этими сталинскими словами, самоотверженно трудились жители Истры над восстановлением родного города, его хозяйства. За послевоенные годы тут построено более тысячи домов.

В одной из новых квартир поселилась семья механика С. Н. Марусина. Сегодня воскресный день. В гости к новоселам пришли их друзья — супруги Степановы.

На снимке (слева направо): С. Н. Марусин, А. И. Степанова, К. С. Марусина и Н. С. Степанов.

3

Это белеют корпуса Истринской больницы. Каких трудов стоило восстановить ее! Заведует больницей Александр Александрович Маков — он работал тут до войны, отсюда ушел на фронт и сюда же вернулся после демобилизации. А. А. Маков рассказывает:

— Наша больница — своеобразный исторический памятник. Здесь когда-то проходил практику будущий врач А. П. Чехов. Больницу мы восстановили полностью. У нас работает 23 врача различных специальностей.

Мы свято чтим память своего старого товарища доктора Константина Александровича Боголюбова. Случилось так, что он, семидесятилетний старик, не мог во-время эвакуироваться. Но врач-патриот не пожелал работать на гитлеровцев и погиб на боевом посту. Именем Боголюбова названа одна из ближайших к больнице улиц.

4

Строители — уважаемые люди в городе. Штаб здешней армии каменщиков, плотников и штукатуров — Стройуправление № 10 «Мосстроя». В кабинете начальника этого управления мы застали председателя исполкома Истринского горсовета А. А. Тюмакова (крайний справа). Вместе с начальником управления В. Ф. Шепельским (в центре) и главным инженером Н. С. Анисимовым он просматривал проект восстановления Истры, в свое время разработанный академиком А. В. Щусевым. Частично этот замысел уже осуществляется. Истринцы верят, что настанет день, когда он будет целиком воплощен в жизнь.

5

Идешь от станции по широкой улице Ленина и не веришь, что недавно тут не было ни одного уцелевшего дома. Попадаешь в центр города. Заходишь в универмаг, книжный магазин, контору управления связи, кинотеатр... Все это поднято из руин.

На снимке (слева): городской кинотеатр.

6

Сюда, к плотине Вельяминовской ГЭС, часто приходят на прогулку молодые истринцы. Эта ГЭС, построенная после войны, дает ток городу и ближайшим селам.

Вечер. Где-то совсем близко раздаются детские голоса. Мы попадаем в залитое огнями большое двухэтажное здание. Это школа имени А. П. Чехова. Школьники под руководством преподавателя пения В. А. Ширшова разучивают любимую песню — Песню о мире (снимок внизу).

В. А. Ширшов — уроженец Истры. Война прервала его учебу в Музыкальном училище имени Гнесиных. И только вернувшись после победы домой, он смог окончить училище. Ширшов учит пению истринскую молодежь, руководит хоровым ансамблем работниц Промкомбината.

Репертуар ансамбля недавно пополнился песнями о самой Истре: «Подмосковный городок», «Город мой родной». Музыку написал В. А. Ширшов. Это песни о тех, кто сказочно быстро восстановил Глебовскую птицеферму, Дедовскую кордную фабрику — сейчас она дает ткани намного больше, чем до войны. Это песни о тех, кто подымал после войны хозяйство здешних колхозов, кто строил и строит светлые корпуса санаториев, домов отдыха, раскинувшихся вокруг города. Это песни о всех тех, кто крепко любит свой город, кто испытал ужасы войны и кому дорог мир.

Вот почему так тепло встречают истринцы ансамбль, исполняющий песни об их городе, вот почему иногда случается, что весь зал подхватывает припев:

Часто на привале
Истру вспоминали,
Подмосковный дачный
городок.

На снимке — певцы ансамбля, созданного на городском Промкомбинате. Слева направо: работницы Л. Газова, А. Судьенкова, Н. Бычкова, Е. Булгакова и Н. Бузенкова.

А. Г. Федосеева.

Ее оружие

В. ТЕНДРЯКОВ

Во время войны на стене ткацкого цеха у самого выхода висел плакат. Солдат в каске глядел в упор и спрашивал: «Что ты сделал для фронта?» Солдат встречал каждое утро Анну Федосееву своим суровым вопросом и этим же вопросом провожал ее, когда она уходила с работы.

Иногда из цеха вызывали то одного, то другого рабочего, и на следующий день под плакатом происходила обычная в те дни сцена — прощание с товарищем по работе.

— Ну, до свидания, не поминайте лихом.

— На фронт?

— На фронт... Работайте крепче...

Ткачихе Анне Федосеевой пришлось заменить помощника мастера. Он ушел осенью сорок первого года, когда фашисты подходили к Москве. Тревожное было время. Ночью, казалось, замирала жизнь на фабрике. Еле-еле маячили в темноте корпуса. Ни одного огонька — мертво... Но это только казалось. За наглухо закрытыми окнами вовсю шла работа... Станки не останавливались круглые сутки: выпускали ткань. Анне Федосеевой приходилось работать в это время по 12, по 14 часов в сутки...

Но вот война кончилась. Плакат сняли. Осталось на стене невыгоревшее пятно, но его вскоре закрыли новым плакатом — над лесами строек лозунг: «Досрочно выполним план послевоенной Сталинской пятилетки».

Под этим плакатом стали происходить уже не прощания, а встречи. Заходил человек в военной гимнастерке, и раздавались радостные возгласы:

— Демобилизовался?.. Опять на старое место?.. Поди, забыл, что и как?..

Помощник мастера вернулся, и Анна Федосеева опять стала за свои станки.

Мирные дни вошли в привычку. Они были и похожи друг на друга и в то же время отличались один от одного. Похожи тем, что каждый день Анна в одно и то же время уходила на работу, в одно и то же время возвращалась. Никаких тревог за свое или чужое счастье. Подруги уже не приходили на работу с осунувшимися от горя лицами. Не бежали больше по цеху тревожные новости: «У Марьи Алексеевны убит муж...», «У Клавы брата не стало». С этим кончено...

Разнообразны же дни были тем, что восемь часов работы всегда открывали для Анны что-нибудь новое. Каждый день кончался небольшой победой, приносившей спокойную радость. Вчера, например, подводили итоги за месяц. Она выполнила норму на 148 процентов. Сегодня попросила перевести ее с узкорядных станков на широкорядные. На них сложнее, труднее и интереснее работать... И так шли дни, будто похожие, а, по сути, что ни день, то событие...

Тот, кто любит свою работу, кто испытал радость труда, поймет счастье таких дней.

Для ткача выиграть скупым и точным движением лишнюю секунду — большое дело. Это означает, что ткач становится уже виртуозом. Анна желала быть им.

Мечется челнок, протаскивая между нитями основ свою нить. Моток ниток внутри челнока зовется початком. Початок становится меньше и меньше, и вот пора менять челнок. Для этого останавливают станок, берут запасной челнок, достают из челночной коробки отработавший, вставляют запасной, досылают его до гонка, снова пускают станок. На все это полагается 6,2 секунды. Анна Федосеева добилась того, что стала сменять челнок за 3,3 секунды. Она выгадывала почти 3 секунды!

Три секунды не такая уж большая, кажется, победа. Однако в течение смены Анна меняет челнок 1 200 раз. Она выгадывает 3 600 секунд — ровно час. А час работы Анны Федосеевой — это около 15 метров ткани.

Так Анна Федосеева воевала за секунды, за метры добротной ткани и жила радостями своей работы. Но вот в ее сердце начало закрадываться беспокойство. Анна читала в газетах: «Отказ от разоружения», «Америка строит новые военные базы», «Военные расходы Америки превышают пятьдесят миллиардов долларов». Атомная бомба, водородная бомба... В одно утро газеты принесли новую весть: началась война в Корее...

В мыслях мелькнуло: «Неужели снова на стене цеха появится плакат «Что ты сделал для фронта?» Опять подруги будут приходить в цех с заплаканными глазами...»

Через некоторое время появился в газетах портрет француженки — героини Раймонды Дьен — непокорные волосы, горячие глаза... Рядом с портретом было помещено письмо. В нем Раймонда писала, что французский народ, как и все народы мира, с надеждой смотрит на Советский Союз, на советских людей...

То, что ее страна — оплот мира, Анна давно знала, и все же письмо заставило ее задуматься.

Основная сила в борьбе за мир — Советский Союз. Чем богаче Советская страна, тем она сильнее. Это и раньше было понятно, но Анне, задумавшейся в те минуты над газетой, казалось, что эту истину Раймонда Дьен высказала как-то особенно сильно, что француженка обращается именно к ней, Анне Федосеевой.

На другой день, встав за станки, Анна заметила то, чего раньше не замечала. Когда заряжают челнок, оставляют обычно свободными концы нити в 35 сантиметров.

Анна вместо 35 стала оставлять кончик в 3—5 сантиметров.

1 200 раз заряжает Анна челнок за смену. На каждой зарядке экономится 30 сантиметров нити, всего за день 360 метров... И вот итог этих «сантиметров»: за год она подарила стране около 1 160 рублей.

Этого мало. Федосеева начала следить, чтоб не пропал даром ни один сантиметр ремешка «погонялки», экономила на челноках, гонках, щетках-сметках,— одним словом, на всем, что называется в ткацком обиходе вспомогательным материалом. Это прибавило к 1 160 рублям еще более четырехсот.

Всего за год Анна сэкономила 2 184 рубля. Она стала примером для других ткачих. Ткачиха Травкина взялась сэкономить за год 1 600 рублей, Ольга Белякова — 1 500. Теперь, уходя домой, Анна, кроме радостного сознания, что хорошо поработала, стала испытывать новое чувство — много или мало, но она сегодня внесла и свою лепту в дело, которое защищает ее радостный труд...

Ткачихи экономили, а шоферы из транспортного отдела расходовали бензина больше, чем полагалось, в механическом цехе мало заботились о том, чтобы все сырье шло в продукцию, электроэнергия перерасходовалась, и все это удорожало ткань.

Об этом Анна сказала на одном из совещаний хозяйственного актива. Она и сама не предполагала, что так горячо откликнутся на ее слова. За организацию соревнования взялись коммунисты. И вот, когда потом подсчитали, выяснилось, что после почина Федосеевой подмосковная Краснознаменская фабрика сэкономила за год 1 миллион 431 тысячу рублей.

На 1 миллион 431 тысячу рублей страна стала богаче. А раз богаче,— значит, сильнее.

Человечество на протяжении всей своей истории еще никогда не имело такой могучей армии, какая растет во всем мире. Растет, крепнет и мужает день ото дня. Это армия мира. Это армия тружеников, честных и здравомыслящих людей, решивших взять в свои руки дело сохранения и упрочения мира.

Анна Федосеева — деятельный солдат этой великой армии. Она член Московского областного комитета защиты мира, участница III Всесоюзной конференции сторонников мира.

* * *

На столе у главного инженера Краснознаменской фабрики лежит общая тетрадь. В таких тетрадях студенты записывают лекции. Но эта не для лекций. В ней оставляют свои записи гости... Там есть записи гостей из Ленинграда с комбината имени Кирова, с «Советской звезды», с фабрики имени Желябова, с Купавинской фабрики, с Глуховского хлопчатобумажного комбината... За последние месяцы более пятидесяти делегаций побывало на фабрике. Это все представители тех, кто хочет могуществом своей страны крепить мир во всем мире!

СЕМЬЯ КАЗАНЦЕВЫХ — рядовая рабочая семья уральских кузнецов.

Александр Софронович Казанцев начинал свой жизненный путь так же, как и тысячи его земляков: с малолетства становились они к молоту, попадали в кабалу -к уральским заводчикам. Великие перемены произошли в жизни уральского рабочего после Октября. Советский строй принес ему славу мастера кузнечного дела. И когда заводу молодого города — Электростали — потребовались богатые опытом, умелые кузнецы, Казанцева пригласили сюда в числе других уральцев.

На его глазах возникали новые улицы, красивые жилые дома, светлые корпуса предприятий. Росла и большая семья Казанцева. Все его дети — а их восемь — получили среднее и высшее образование. Тамара — мастер завода, Геннадий — электрик, Ангелина — хирургическая сестра, Люда и Ирина — студентки, Фаина — ученица 7-го класса и старший сын, Александр,— инженер-конструктор Ново-Краматорского завода. Все они работают и продолжают учиться. Большой и счастливой советской семьей живут Казанцевы, оберегая старость перешедшего на пенсию Александра Софроновича и своей матери Агнии Никитичны, награжденной орденом «Материнская слава».

1. Старший инженер-конструктор Александр Александрович Казанцев (на переднем плане) наблюдает за выпуском стали в мартеновском цехе Ново-Краматорского завода.

Фото С. Фридлянда

2. Александру Софроновичу и его семье государство предоставило отдельный домик. Мы застали семью Казанцевых в то время, когда почтальон принес старику пенсию. На снимке: дочь Ангелина, Агния Никитична, внук Валерий и Александр Софронович Казанцев.

Фото И. Тункеля

Уважаемый, сердечный человек

По вечерам сотни агитаторов-ленинградцев направляются в квартиры, общежития, агитпункты, чтобы рассказать о кандидатах в народные судьи и народные заседатели. Это кандидаты нерушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных, люди, которые пользуются доверием народа, понимают политику коммунистической партии и советской власти, способны проводить эту политику в жизнь. Это люди, обладающие жизненным опытом, достаточным культурным уровнем, имеющие не только формальное, но и моральное право судить других.

Трудящиеся Кировского района выдвигают на высокий пост бывшую работницу асбестового завода П. Х. Минееву, фрунзенцы — представительницу советской интеллигенции активную общественницу В. Г. Полежаеву,

А. А. Крюкова.

Фото И. Фетисова

василеостровцы — Б. А. Кузнецова, участника Великой Отечественной войны.

Кандидат Московского района Агриппина Арсеньевна Крюкова — опытный судебный работник. Невысокую пожилую женщину мы застали в зале судебного заседания.

Агриппину Арсеньевну Крюкову — народного судью III участка — хорошо знают здесь, за Московской заставой. Знают потому, что вся ее большая и яркая жизнь связана с этим районом города Ленина. Здесь, в семье потомственного питерского пролетария, она родилась. Здесь в первом десятилетии нашего века началась ее трудовая жизнь. До сих пор помнит Агриппина Арсеньевна, как однажды пришел домой обиженный хозяином ее отец.

— А ты подай на него в суд,— сказала тогда девушка отцу.

— На богатых суда нет,— отвечал отец.— Деньги у них, и закон их. Но придет время, и мы будем судить...

Не дождался отец этого времени. Не дожил он до того дня, когда дочь его, как и тысячи других новых и настоящих хозяев страны, сама стала вершить правосудие.

Агриппина Арсеньевна встретила Октябрьскую революцию работницей обувной фабрики «Скороход». Несколько лет спустя ее, скромную труженицу, скороходовцы направили на укрепление аппарата советских судебных органов. Трудно было работать и осваивать юридическую науку. Но большевичка ленинского призыва была упорна и настойчива. И вот уже три пятилетки бессменно несет она почетную обязанность народного судьи за Московской заставой. Здание суда, где она заседает, находится по соседству с родной фабрикой, родным домом.

...По обе стороны председательского кресла — народные заседатели: Агафья Александровна Александрова, испытатель электрических машин, и Любовь Михайловна Михайлова, мастер-кожевник. Как тут не вспомнить, что, по официальным данным, в 1913 году среди мировых судей царской столицы дворяне-помещики составляли 70 процентов, купцы — 20 процентов, духовные лица — 2 процента. И, конечно, ни одной женщины.

Уверенно ведет заседание А. А. Крюкова. В ее вопросах и репликах чувствуется большой жизненный опыт, широкий кругозор, прекрасное знание советских законов. Выявив непорядки в охране социалистической собственности, судья шаг за шагом проследила организацию складского хозяйства на предприятии.

— Что вы меня допрашиваете, будто я не свидетель, а подсудимый? — вытирая вспотевший лоб, возмущается хозяйственник.

— Советский судья должен установить истину. Если бы не ваша беспечность, может, не было бы и подсудимого на этой скамье,— отвечает судья.

И в приговоре записывается частное определение об отсутствии на предприятии должного порядка в охране государственного имущества.

Хозяйственник прощается с судьей.

— До свидания,— говорит она.— Мы с вами скоро увидимся. Приеду на завод посмотреть, какой вы порядок навели.

Вечер. Опустел зал. Но А. А. Крюкова не уходит домой: у народного судьи сегодня прием посетителей. Ее знают за Московской заставой как чуткого, сердечного человека. Бывает, что за советом к ней приходят и прежние товарищи по станку. Разговор заходит о делах давно минувших дней. Вспоминают друзей — как выросли люди!

Часто народного судью можно видеть на предприятиях района, в рабочих квартирах, общежитиях. Она знакомит население с советскими законами, разъясняет их. А. А. Крюкова, выросшая в рабочей среде, тесно связана со своими избирателями.

И когда на собрании многотысячного коллектива завода «Электросила» имени С. М. Кирова выдвинули кандидатом в народные судьи Агриппину Арсеньевну Крюкову, электросиловцы единодушно поддержали это предложение.

— Знаем ее, достойный кандидат! Уважаемый, сердечный человек!

К. ЧЕРЕВКОВ

Всесоюзная конференция сторонников мира. Делегаты конференции (слева направо): кузнец завода имени Андре Марти В. А. Кульчицкий, мать-героиня звеньевая колхоза имени К. Маркса, Николаевской области, А. С. Головащенко и Герой Социалистического Труда звеньевой колхоза имени И. В. Сталина, Одесской области, Е. В. Блажевский.

Фото А. Гостева

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

Если бы крестьянке Раимовой до Октябрьской революции могли показать фотографию ее детей, какими они будут в 1951 году, башкирка, наверно, решила бы, что над ней потешаются. Старшая дочь, Рауза,— врач в Москве, другая дочь, Мария,— учительница на Урале, сын Риф — доктор исторических наук...

В годы советской власти судьба Рифа сложилась столь же счастливо, как и многих его сверстников из других национальных республик. Он окончил учительскую семинарию, преподавал в школе рабочей молодежи, был воспитателем в трудовой колонии, заведывал школой фабрично-заводского ученичества в Уфе. Раимов окончил Башкирский педагогический институт, был научным сотрудником Института истории Академии наук СССР, а ныне является профессором, автором тридцати научных работ.

Каждый день в Советском Союзе в среднем 8—10 человек защищают докторские и кандидатские диссертации. Более 800 крупнейших ученых состоят членами экспертных комиссий, рассматривающих эти диссертации. Высшая аттестационная комиссия получает для рассмотрения и утверждения труды ученых не только Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, но и таких городов, где три десятилетия назад не было вузов.

Случается, что труды по самым разным отраслям науки и техники поступают из... одной семьи. В 1949 году диплом доктора биологических наук получила Ольга Семеновна Мануйлова. Недавно защитил докторскую диссертацию ее сын, Семен Евстафьевич Мануйлов; другой сын, Владимир Евстафьевич, — кандидат технических наук. В семье доктора технических наук профессора Московского высшего технического училища имени Баумана М. А. Саверина ныне есть еще один молодой ученый — сын Михаил, кандидат технических наук, а в семье академика Б. Д. Грекова — сын Игорь, кандидат исторических наук. Как и отец, вице-президент Академии наук Украинской ССР Е. О. Патон, молодые ученые Владимир и Борис Патоны удостоены высокого звания лауреатов Сталинских премий. Науке посвятили себя и члены семьи писателя А. Н. Толстого. Сын Никита Алексеевич — кандидат физико-математических наук, лауреат Сталинской премии; другой сын, Дмитрий Алексеевич, — аспирант Ленинградской консерватории; дочь Мариана Алексеевна — кандидат химических наук.

За 10 месяцев нынешнего года степень доктора наук получили 377 человек — ученые шестнадцати национальностей, в том числе татары, чуваши, абхазцы, осетины, латыши, казахи. В подавляющем большинстве работы диссертантов являются крупными, капитальными исследованиями.

Самым молодым доктором наук сейчас является 22-летний Сергей Мергелян, профессор математики Ереванского университета имени В. М. Молотова. Более 2 лет назад в Москве, в Математическом институте имени В. А. Стеклова, он защищал свою кандидатскую диссертацию (Мергелян подготовил ее в 19 месяцев вместо установленного срока в 3 года), которую Ученый совет оценил как докторскую. Научный труд юноши представлял собой совершенно новое решение математической проблемы. В 20 лет Мергелян стал доктором физико-математических наук.

Подготовка и воспитание молодых научных работников приобрели у нас огромный размах. За последние четверть века аспирантуру вузов, научно-исследовательских институтов и академий окончило более 30 тысяч человек.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Заседание Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования. Слева направо: А. М. Терпигорев, И. Г. Кочергин, А. Н. Заварицкий, М. В. Кирпичев, А. А. Благонравов, ученый секретарь комиссии И. П. Горшков, П. Н. Яковлев, Б. Н. Юрьев, С. Т. Конобеевский, Е. К. Сепп и А. И. Опарин.

Фото О. Кнорринга

А. И. ЕФРЕМОВ

23 ноября 1951 года, после продолжительной, тяжелой болезни, умер выдающийся государственный деятель нашей страны, член Центрального Комитета ВКП(б), заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР, депутат Верховного Совета СССР Александр Илларионович Ефремов.

В минувшее воскресенье трудящиеся Москвы провожали в последний путь верного сына большевистской партии и советского народа Александра Илларионовича Ефремова.

На Красной площади, где собрались тысячи трудящихся и части войск Московского гарнизона, состоялся траурный митинг, посвященный памяти А. И. Ефремова. Митинг открыл секретарь ЦК ВКП(б) тов. П. К. Пономаренко. От ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР с речью выступил тов. А. Н. Косыгин. От трудящихся Москвы и Московской области выступил председатель исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся тов. М. А. Яснов.

Урна с прахом А. И. Ефремова установлена в нише Кремлевской стены.

НАВОДНЕНИЕ В ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ

Газеты сообщают о больших наводнениях в Италии и Франции.

«Ужасные вести приходят из Сицилии, Сардинии и Калабрии,— писала во второй половине октября итальянская газета «Унита». — Со времени землетрясения 1907 года население Калабрии не помнит такого страшного бедствия».

Вся территория, примыкающая к городу Реджо, превращена в огромное болото с торчащими кое-где обломками разрушенных домов. На острове Сицилия, в городе Аугусте, наводнением разрушены электростанция и водопровод, из-за отсутствия питьевой воды вспыхнула эпидемия тифа. В районах Катании водой залиты железнодорожные линии, крестьянские дома, посевы, виноградники, оливковые и цитрусовые рощи. Сотни людей погибли в бушующих водах и под обломками рушившихся зданий.

Вслед за южными провинциями Италии в ноябре катастрофа разразилась и на севере страны. Общее количество пострадавших от наводнения в Северной Италии, по последним сведениям, исчисляется в 160 тысяч человек.

Подобные сведения поступают и из Франции.

В эти трагические дни еще раз проявился антинародный характер правительства де Гаспери и местных властей. В префектуре Сиракузы администрация цинично заявила, что у нее нет средств для оказания помощи пострадавшим. Говоря о причинах катастрофического бедствия, «Унита» отмечает, что правительством и местными властями в свое время не были приняты меры к регулированию рек, строительству оградительных дамб, плотин и т. д. В то же время правительство де Гаспери, послушное своим американским хозяевам, тратит сотни миллиардов лир на вооружение.

В грозный час всенародного бедствия Коммунистическая партия Италии выступила организатором помощи пострадавшим. Коммунисты Ровиго и других городов долины По, представители демократических партий и профсоюзов возглавили спасательные бригады.

Каковы меры борьбы с катастрофическим разливом рек? Возможно ли своевременно предотвратить такого рода стихийные бедствия? С такими вопросами корреспондент «Огонька» обратился к известному советскому гидротехнику и гидрологу профессору Е. В. Близняку.

Профессор Е. В. Близняк сказал:

— С древнейших времен человечество борется против стихийного разлива рек, применяя для этой цели оградительные дамбы, плотины, валы и другие гидротехнические сооружения.

По и Рона — крупные реки Западной Европы — играют большую роль в экономической жизни Италии и Франции. Обе реки, и По и Рона, начинаются в Альпах. В дальнейшем, однако, они протекают по равнинам. Чтобы обезопасить прилегающую пойму от затоплений, русла рек ограждаются дамбами, валами.

Судя по сообщениям, которые поступают из Италии и Франции, можно полагать, что ремонтные, восстановительные и реконструктивные работы велись на этих реках совершенно недостаточно. В этой связи мне невольно вспоминаются поездки по Северной Италии. Знакомясь с гидросооружениями на По, я немало беседовал с инженерами. Все они в один голос твердили, что наряду с существующими оградительными валами и дамбами на самой По и ее притоках надо строить новые гидросооружения, создать водохранилища для регулирования тока речных вод, реконструировать всю систему. Но эти пожелания остались нереализованными.

Ни при фашистском режиме Муссолини, тратившем миллиарды на подготовку к войне, ни в нынешней маршаллизованной Италии, чьи правители приковали себя к колеснице американо-английских агрессоров, не находится средств для подобных народнохозяйственных работ.

Впрочем, итальянские и французские правители недалеко ушли от своих заокеанских хозяев. Всему миру памятно наводнение, разразившееся минувшим летом в долине Миссури в США. Полмиллиона жителей штатов Миссури и Канзас остались без крова. Убытки исчислялись миллиардами долларов.

Проблема регулирования стока речных вод и борьбы с наводнениями по-настоящему разрешается лишь в нашей стране, а сейчас и в странах народной демократии.

Наши горные реки Терек, Кубань, Кура и другие надежно ограждены дамбами. В едином комплексе с работами по электрификации, орошению и созданию новых водных путей ведется строительство больших и малых водохранилищ. Регулирование стока, которое достигается благодаря этому, позволяет обезопасить прилегающие районы от наводнений, улучшать судоходные условия на реках и т. д.

Богатейшие водные ресурсы наших рек используются по единому государственному плану на благо советского народа.

Шестеро суток длился ливень в Сицилии. На окраине Сиракуз водой был залит завод оливкового масла. Поток воды увлекал сотни бочек к морю.

(Фото из газеты «Унита»)

XIX шахматный чемпионат

НАПРЯЖЕННАЯ БОРЬБА

Заметки участника

18 НОЯБРЯ

Летом в Нью-Йорке состоялся небольшой международный турнир. Я познакомился с регламентом и партиями этого турнира и не позавидовал болельщику Нью-Йорка. Если он хотел видеть игру участников турнира, то должен был запомнить: Эйве уже приехал и играет; Гимар прилетит из Аргентины позже: Файн иногда играет утром, иногда днем или вечером; Решевский в некоторые дни играет до захода солнца, в другие — после появления первой звездочки на небе. Турнир был превращен в какой-то марафонский бег. За первые полтора часа игроки делали 30 ходов, затем за один час 20 ходов. После этого короткий перерыв, во время которого участники быстро анализируют отложенную позицию, на ходу перехватывают бутерброд, чтобы «с новыми силами» броситься в бой и за следующий час «сгонять» еще 20 ходов. Всего 70 ходов! Зачем, спрашивается, такой убийственный темп? Для того, чтобы экономить деньги на помещении, на суточных, для того, чтобы иностранные гости скорее уехали из «гостеприимной» Америки.

Ясно, что при таких условиях сыгранные в турнире партии не блещут красотой. Так, например, Файн «подбросил» фигуру Эйве. Решевский «зевнул» ферзя... Большинство болельщиков опоздало на встречу двух сильнейших американских шахматистов— Файна и Решевского. Когда зрители пришли в зал, гросмейстеры после «продолжительной борьбы» уже сыграли вничью на... одиннадцатом ходу!

Иностранные шахматисты давно уже завидуют советским шахматистам. У нас турнир превращается в шахматный праздник для участников и для зрителей.

Сегодня четвертый тур. За доской Василий Смыслов и Юрий Авербах. Они получили свое шахматное воспитание в пионерских кружках. Здорово выросли эти два пионера, и не только в шахматном отношении. Они самые высокие среди шахматистов. Победу на этот раз одержал Юрий Авербах. Гросмейстер потерпел первое поражение.

Особого уважения со стороны мастеров к гросмейстерам не наблюдается. Наоборот, мастера охотно выигрывают у любого гросмейстера.

19 НОЯБРЯ

Корреспонденты на турнире заранее готовят свои отчеты стандартной фразой: «В центре внимания переполненного зрителями Колонного зала была встреча Ботвинник — Бронштейн». Ещё бы! Чемпион мира имеет положительный счет со всеми нашими гросмейстерами, кроме Бронштейна. В 1944 году совсем еще юный Бронштейн выиграл партию у Ботвинника. Недавно в матче из 24 партий Ботвиннику не удалось отыграться. И вот, наконец, Ботвинник сквитал счет, рассчитался за старый «долг».

Эта партия игралась обоими гросмейстерами с громадной «спортивной злостью». Борьба в этой партии была настолько напряженной и захватывающей, что не только зрители затаили дыхание. Участники чемпионата в некоторые моменты увлекались партией Ботвинник — Бронштейн больше, чем своей. Этим, пожалуй, можно объяснить ошибки в партиях Керес — Бондаревский, Петросян — Котов и Новотельнов — Флор. Мастера и на этот раз не растерялись. «Под шумок» были зафиксированы новые гросмейстерские жертвы: Котов и Флор пали от рук Петросяна и Новотельнова.

21 НОЯБРЯ

Шахматный мир хорошо помнит последнюю встречу за шахматной доской Алехина и Капабланки 21 ноября 1938 года на турнире гросмейстеров в Голландии. У Капабланки был день рождения, ему исполнилось 50 лет. «Невежливый» Алехин в разгромном стиле выигрывает партию, и понятно, как сильно было испорчено праздничное настроение у Капабланки.

Сегодняшняя партия Флор — Смыслов складывалась в пользу Флора. Но следует грубая ошибка Флора, и партию выигрывает Смыслов. Он утешает меня: «Вы не расстраивайтесь. Я знал, что у вас сегодня день рождения, а в этот день полагается проигрывать».

22 НОЯБРЯ

В шести турах 16 участников уже испытали горечь поражения. Сегодня Ботвинник и Тайманов решили быть солидарными со своими коллегами. Итак, после седьмого тура в турнирной таблице у каждого участника имеется «украшение» в виде нуля! Несмотря на проигрыш Смыслову, Ботвинник после семи туров — лидер турнира. Но за чемпионом мира идет группа молодых — Геллер, Смыслов, Тайманов, Керес, Котов.

Как и следовало ожидать, никому не удалось оторваться на старте. В чемпионате Советского Союза нет «аутсайдеров». В наших состязаниях любой участник может выиграть у любого.

Международный гросмейстер
Сало ФЛОР

СКРИПИЧНЫЙ МАСТЕР С УРАЛА

Имя свердловского скрипичного мастера Андрея Семеновича Кылосова известно далеко за пределами Урала. Пятнадцать лет назад он приехал сюда из таежной деревни Коми-Пермяцкого национального округа и посвятил свою жизнь сложному делу — созданию скрипок. Все эти годы он упорно работал над совершенствованием своего мастерства. Скрипки А. Кылосова получили широкое признание среди музыкантов страны.

Сейчас А. Кылосов работает над 72-й скрипкой. Он продолжает экспериментировать, упорно ищет пути к созданию еще более совершенных музыкальных инструментов.

Фото И. Тюфякова

ПЕВЦЫ РОДНОГО КРАЯ

Почти двадцать лет прошло с тех пор, как узбекские художники впервые выступили с показом своих работ в Москве. За эти годы многое изменилось в художественной жизни Узбекистана. Выросли новые специальные учебные заведения, открылись музеи национального искусства, стали традицией ежегодные республиканские выставки. Талантливый отряд национальных мастеров завоевал право быть непременным участником всесоюзных смотров.

Сейчас в столице открылась очередная выставка узбекского изобразительного искусства. Бескрайние просторы колхозных полей, виноградники, преображенные города, экспедиции в пустыне, сталинская стройка на Тахиа-Таше, всенародный стахановский труд — это сегодняшний день республики, и о нем ведут свой рассказ художники. На залитом солнцем хлопковом поле изображает Абдулхак Абдуллаев Героя Социалистического Труда Н. Ниязова. Образ стахановца перерастает в целую повесть о новом Узбекистане и его людях. Та одухотворенность творческим трудом, которую умеет увидеть и передать А. Абдуллаев, составляет содержание и серии портретов передовых людей узбекской деревни, выполненных одним из ведущих скульпторов республики — А. Ивановым. В строгих и сдержанных по манере исполнения скульптурах Иванов подчеркивает большую волю, внутреннюю собранность, целеустремленность своих героев.

Большой жизненностью и непосредственностью отмечена картина коллектива художников Л. Абдуллаева, С. Мухамедова, М. Набиева и Х. Рахманова «Бригада знатного обувщика Убая Рахматуллаева».

Л. Абдуллаев, С. Мухамедов, М. Набиев, Х. Рахманов. «Бригада знатного обувщика Убая Рахматуллаева».

Наряду с молодежью на выставке широко представлены работы старшего поколения. Колхозной жизни посвятили свои полотна мастера тематической картины В. Уфимцев («На Хирмане»), В. Кайдалов («У доски почета»). Труд и люди труда — так можно было бы определить идею всей выставки, если бы живописцы, помимо портретов и колхозных сцен, обратили должное внимание на индустриальную тематику, изображение строительства. Отсутствие таких работ на выставке ясно ощущается зрителем.

К значительным достижениям узбекской живописи можно отнести представленные на выставке пейзажи. В духе традиций русского реалистического пейзажа выполнены новые картины первого национального художника — У. Тансыкбаева. Эпическое начало и композиционный размах сочетаются у него с большой тонкостью и лиризмом передачи специфики любимой природы. Целую серию пейзажей У. Тансыкбаев и Н. Кузыбаев посвятили Тахиа-Ташу и строительству Главного Туркменского канала.

Горький говорил о писателях братских республик: «Они работают не только каждый на свой народ, но каждый — на все народы Союза социалистических республик...» Этими же словами можно сказать и о радостном, солнечном искусстве художников Узбекистана.

Н. МОЛЕВА

МАСТЕР НАРОДНЫХ ФИЛЬМОВ

Тепло отметила общественность Москвы 50-летний юбилей выдающегося советского кинорежиссера, народного артиста СССР, лауреата Сталинских премий Ивана Александровича Пырьева. Острое чувство современности — характерная черта его многогранного дарования.

Лучшие картины И. Пырьева «Партийный билет», «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Секретарь райкома», «В шесть часов вечера после войны», «Сказание о земле Сибирской», «Кубанские казаки» получили всенародное признание. Выдержав испытание временем, они продолжают привлекать интерес зрителей и годами не сходят с экранов.

Художник-новатор, И. Пырьев смело расширяет рамки установившихся канонов в искусстве кино. Трудно подчас определить жанр его произведений. В свои комедии, полные глубокого содержания, он вводит драматические линии и конфликты. В то же время в фильмах «В шесть часов вечера после войны», «Сказание о земле Сибирской» органически сочетаются элементы драмы и комедии, патетики и лирики.

Широко используя все богатство выразительных средств кино, И. Пырьев раскрывает на экране величественный образ страны социализма, ее прекрасную природу, духовную красоту ее людей.

Выдающаяся творческая деятельность И. Пырьева отмечена многими правительственными наградами. Ему присвоено звание народного артиста СССР. Шесть фильмов, созданных И. Пырьевым, удостоены Сталинских премий. В 1950 году сибиряки — земляки И. Пырьева — оказали ему высокое доверие, избрав депутатом Верховного Совета СССР.

Сейчас И. Пырьев работает над новыми цветными фильмами, посвященными Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Берлине.

На вечере, устроенном в московском Доме кино, юбиляра сердечно приветствовали товарищи по искусству, рабочие киностудий, мастера литературы и театра.

О. ОЛЬГИНА

На съемках фильма «Кубанские казаки». В центре группы народный артист СССР И. А. Пырьев.

Фото В. Уварова

Творческое содружество

...На длинном столе, покрытом зеленым сукном, лежат нарядные томики. Это книги стихов, изданные в Ташкенте к декаде узбекской литературы и искусства. За столом московские писатели и гости — участники декады, собравшиеся для обсуждения творчества узбекских поэтов.

Председательствующая Вера Инбер предоставляет слово критику Сарвару Азимову для краткого обзора поэтических произведений, созданных в республике за последние годы.

Выступают видные поэты страны. Литераторы столицы внимательно изучили творчество гостей и сейчас делятся с ними своими впечатлениями, опытом.

Степан Щипачев говорит о лирике Уйгуна. Лев Ошанин подробно разбирает первое крупное произведение молодого поэта Эгама Рахима — «Дорога счастья». Михаил Луконин высоко оценивает поэмы Мирмухсина «Уста Гияс» и Аскада Мухтара «На большом пути». Николай Грибачев анализирует книгу живущих в Узбекистане корейских поэтов Ким Цын Сон и Ен Сен Нен «Строки дружбы». Михаил Светлов посвящает свое выступление творчеству поэтессы Зульфии. Петр Скосырев говорит о книге замечательного мастера стиха, лауреата Сталинской премии Гафура Гуляма.

В этом подлинно творческом обсуждении приняли также участие Семен Гудзенко, Сергей Васильев, Семен Липкин и многие другие московские поэты. С интересом были выслушаны выступления Гафура Гуляма и Мирмухсина.

Знаменательно, что в центре обсуждения стояли произведения молодых поэтов Узбекистана, сделавших за последнее время значительные творческие успехи. Отмечалось их стремление к простоте, реализму. Здесь сказывается плодотворная учеба у русской классической и советской поэзии.

Обстоятельно была разобрана и работа поэтов-переводчиков.

Такая же атмосфера творческого содружества и товарищеской, но взыскательной критики царила на обсуждениях прозаических и драматургических произведений узбекских писателей, литературы для детей, критических работ и пр.

Гости горячо благодарили за дружескую критику, направленную на дальнейший рост и развитие узбекской литературы.

Эта творческая встреча — одно из ярких проявлений братской дружбы, которая движет вперед всю многонациональную советскую литературу.

Спартаковцы в Албании

В минувшее воскресенье вернулись из Албании футболисты общества «Спартак».

Наш корреспондент беседовал с капитаном команды заслуженным мастером спорта В. Н. Соколовым.

— Прежде всего,— сказал тов. Соколов,— хотелось бы сказать о теплой, дружеской встрече, которую всюду оказывали нам на албанской земле. Мы, спартаковцы, уже были в Албании в 1946 году. Многое теперь нас приятно удивило. Еще подъезжая на пароходе к порту Дуррес, мы увидели дымок от паровоза и длинный состав поезда. Это было новостью. Теперь уже существуют дорога Дуррес — Тирана и две другие дороги, построенные по инициативе албанской молодежи. Поразила нас и изменившаяся Тирана. Город стал много красивей, появились парки, скверы. Мы побывали на великолепном текстильном и сахарном комбинатах, присутствовали при пуске новой мощной электростанции. Было это очень торжественно: сначала зажглась большая электролампа в центре города и осветила монумент товарища Сталина, затем постепенно зажигались огни на улицах, в районах, и вскоре вся Тирана была ярко освещена.

Интерес к нашим выступлениям был чрезвычайно велик. Как известно, «Спартак» провел пять состязаний, из коих четыре выиграл и одну свел к ничьей.

Лишь первое состязание в городе Шкодере против команды «Труд» мы выиграли сравнительно легко — со счетом 9 : 0. (Интересно отметить, что четыре мяча забили полузащитники И. Нетто и О. Тимаков.) Все же остальные встречи прошли в упорной борьбе. Наиболее напряженной из них была игра со сборной национальной командой Албании. Первая половина не дала результата. После перерыва Н. Симонян открыл счет. И, несмотря на то, что «Спартак» имел территориальное преимущество, улучшить результат не удалось. Более того, хозяева поля сквитали счет и конец состязания провели в сильных атаках. Эту встречу мы закончили с результатом 1 : 1.

Албанские футболисты, которых готовил советский тренер тов. Апухтин, значительно повысили класс игры. Они играют коллективно, хорошо владеют мячом (умело играют головой), строят различные комбинации.

Капитан сборной команды Албании Бесим Фагу и капитан «Спартака» В. Соколов приветствуют друг друга перед началом состязания.

Следующее состязание мы провели с коллективом «Динамо», который выиграл звание чемпиона страны и кубок. Это, несомненно, сильный, опытный клуб. Десять его игроков (все, кроме центра защиты) входят в состав сборной Албании и уже выступали против нас. Это состязание мы выиграли со счетом 3 : 0.

Второй состав нашей команды выезжал в город Корчу. Проливной дождь в значительной степени испортил поле. Играть было очень тяжело. «Спартак» выиграл состязание со счетом 2 : 0. С таким же результатом мы победили команду «Партизан» (Тирана).

Встречи в Албании, которые проходили в исключительно дружественной обстановке, несомненно, принесут пользу как нашим, так и албанским футболистам.

ФАКТЫ, С КОТОРЫМИ СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬСЯ

Беседа с членом Бюро Всемирного Совета Мира, китайским писателем МАО ДУНЕМ

Представители Китайской Народной Республики должны занять свое законное место в Организации Объединенных Наций. То, что это место занимает сейчас гоминдановец, который никого, кроме самого себя, не представляет и не может представлять, абсурдно до предела. Это не может расцениваться иначе, как позор для Организации Объединенных Наций.

— Всему миру известно, — говорит Мао Дунь, — что сейчас в Китае существует одно правительство, объединившее вокруг себя весь народ, всю территорию страны, — Центральное Народное Правительство во главе с председателем Мао Цзе-дуном.

Не считаться с таким фактом могут только люди, потерявшие последние остатки здравого смысла и ослепленные ненавистью к народу Китая.

Не более разумно поступают эти люди, обходя и другой факт: то, что такая великая страна, как Советский Союз, а также страны народной демократии официально признали Центральное Народное Правительство Китая и установили с ним дипломатические отношения.

Ряд других правительств также установил дипломатические отношения с новым, народным Китаем, в том числе такие страны Азии, как Индия, Пакистан, Бирма.

Обо всем этом не раз заявляли в печати официальные руководители нашей страны.

И все-таки гоминдановец сидит в ООН. Он сидит там потому, что американские империалисты боятся увидеть на его месте подлинного представителя китайского народа, который не будет плясать под американскую дудку, который будет отстаивать в ООН интересы своей страны, а не интересы американских боссов.

Правящие круги Соединенных Штатов боятся и ненавидят новый, народный Китай. Они хотели бы, чтобы Китай был их полуколонией. Они хотели бы использовать нашу страну как плацдарм для покорения и удушения всех народов Азии. С покорением Китая у них были связаны далеко идущие планы: нашу страну американские империалисты собирались использовать и как плацдарм в агрессивной войне против Советского Союза.

Но победа великой китайской революции опрокинула все эти коварные и корыстные планы американских империалистов.

Теперь они ненавидят свободный Китай, потому что он показывает народам Азии пример того, как надо бороться за свою независимость, потому что он говорит всем народам Азии: вы будете счастливыми и свободными, если сбросите с себя оковы империализма, как это сделали мы, китайцы.

Вот почему американские империалисты в таком бешенстве, вот почему мы видим на губах мистера Ачесона пену, когда он говорит о новом, свободном Китае.

На происходящей сейчас в Париже шестой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций англо-американский блок, вопреки очевидным фактам, предложил резолюцию, которая оскорбляет наш народ и которая каждой своей буквой противоречит Уставу ООН. Эта резолюция... запрещает какое бы то ни было обсуждение вопроса о допущении представителей Китайской Народной Республики в ООН и об исключении гоминдановца!

Министр иностранных дел СССР Вышинский прав: с такой резолюцией никогда не смогут согласиться честные люди, уважающие Организацию Объединенных Наций. Он охарактеризовал этот шаг англо-американского блока как попытку взнуздать Генеральную Ассамблею, заковать ее волю. Справедливое замечание!

Я приехал в Москву из Вены, где недавно проходила сессия Всемирного Совета Мира. Совет вынес ряд решений, значение которых трудно переоценить.

Все решения и резолюции были приняты с исключительным единодушием и с одной целью — возможно шире развернуть движение за Пакт Мира. Мы достигли такого единства мнений представителей всех стран и народов потому, что идем по единственно верному пути...

Заслуживает быть отмеченным, что и на Венской сессии Всемирного Совета Мира и на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи ООН обсуждался вопрос о положении в Марокко. В Марокко строятся американские военно-воздушные базы. Естественно, что это усилило в стране национально-освободительное движение. Французские власти решили подавить движение марокканцев и предприняли ряд жестоких репрессий. Соседние страны обратились в ООН с жалобой на действия Франции — ведь они противоречат Уставу ООН. Но вопрос о положении в Марокко не был даже включен в повестку дня сессии! Этого не захотели представители англо-американского блока, которые меньше всего считаются с интересами и волей народов.

Что им, верным слугам доллара, до страданий простых людей?!

Всемирный Совет Мира иначе подошел к вопросу о положении в Марокко и событиях в Египте. Совет принял резолюцию, которая солидаризируется со стремлением народов Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки добиться своей экономической и национальной независимости и сохранить мир. Всемирный Совет Мира в своей резолюции призывает к немедленному отводу всех иностранных войск из Египта и Судана с тем, чтобы эти страны могли свободно решать свою собственную судьбу.

Сейчас решения Венской сессии объединяют народы всех стран. Народы читают Обращение к ООН и резолюции и видят в этих документах отражение своих стремлений и надежд, своей воли к миру.

А в это время в Париже американские заправилы суют в руки гоминдановской марионетке Цзян Тинь-фу шпаргалку и выпускают его на трибуну. Он бормочет об угрозе политической независимости и территориальной целостности Китая со стороны... Советского Союза! Я не могу найти слов, чтобы оценить эту наглую и бесчестную провокацию против великого народа, друга и союзника Китая!

Скажу одно: то, что говорил Цзян Тинь-фу, никогда не скажет ни один честный китаец, любящий свою страну.

В заключение беседы тов. Мао Дунь говорит о советско-китайской дружбе.

— Дружба наших народов имеет большую историю. Она испытана временем и замечательными делами. Наша дружба крепнет на радость всему трудящемуся человечеству.

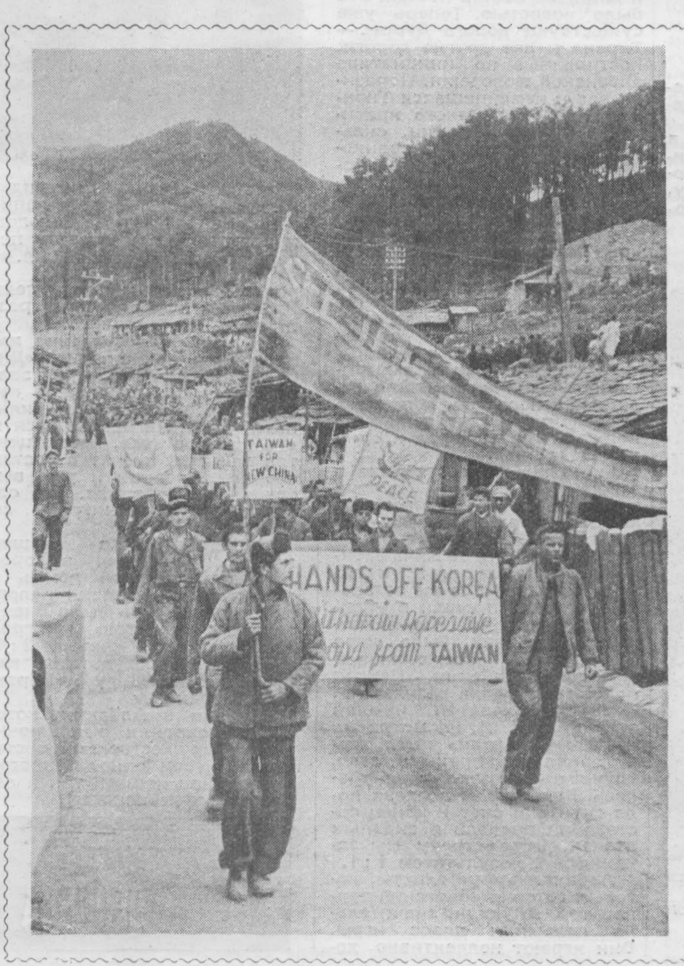
Наши страны заключили великий договор о дружбе и взаимопомощи. Наш вождь Мао Цзе-дун приехал в Москву, к великому Сталину, и они пожали друг другу руки.

Помощь, которую оказывает Советский Союз Китаю, видит весь народ. Приехав в Китай, вы в любом месте ощутите сердечную, большую народную благодарность великому Советскому Союзу.

Китайский народ отлично понимает, что успех его экономического строительства во многом зависит от того, как быстро мы сможем изучить передовой опыт строительства в СССР. Именно поэтому изучение советского опыта стало движением всенародным, охватившим всю страну.

Дружба китайского и советского народов — это народная воля. Каждый китаец ясно представляет себе, как много делают для сохранения мира Советский Союз и лично товарищ Сталин.

Каждый китаец ясно понимает, что советско-китайская дружба — прочная гарантия сохранения мира. Это тоже факт, с которым придется считаться американо-английским поджигателям войны.

Грубо и наспех сфабрикованная в штабе Риджуэя фальшивка насчет «зверств» северокорейских войск и китайских добровольцев явно не пользуется доверием даже в самих США. В то время как официальные круги продолжают подогревать эту провокационную кампанию с помощью различных разъяснений, «запросов» и т. п., ряд газет публикует свидетельства очевидцев, в том числе солдат, побывавших на корейском фронте, опровергающих выдумки полковника Хэнли. Газета «Нейшнл гардиан» пишет: «...в лагере для военнопленных в Северной Корее американские, английские, турецкие и другие военнопленные устроили демонстрацию, требуя прекращения огня в Корее, пели песни о мире и решили включиться в борьбу за братство народов».

Всмотритесь в лица военнопленных, изображенных на этих фото. У солдат неплохое настроение, они чувствуют себя в плену гораздо лучше, чем на фронте под командованием генерала Риджуэя.

От хваленой «американской демократии» остаются лишь жалкие развалины

«Конгресс не примет закона, который ограничивает...» — так начинаются поправки к конституции США, входящие в Билль о правах. Но конгресс США уже принял и ввел в действие законы, растаптывающие в прах и Декларацию независимости и Билль о правах.

«Закон Смита» легализует травлю всех прогрессивных элементов, всех сторонников мира в США как «заговорщиков», стремящихся «силой свергнуть правительство».

«Закон Маккарэна», под вывеской «Акта 1950 года о задержаниях в условиях чрезвычайного положения», предоставляет полиции неограниченное право на массовые обыски и аресты.

«Закон Тафта—Хартли» ликвидирует завоеванное 150-летней борьбой американского рабочего класса право объединения в профсоюзы, дает возможность любую стачку объявлять «незаконной» и предавать суду стачечников и их профсоюзных руководителей.

На «основании» этих фашистских исключительных законов по всей стране неиствует нововявленная инквизиция в виде «комиссий по расследованию антиамериканской деятельности»; тысячи людей и десятки организаций заносятся в «черные списки» министром юстиции США; честных, миролюбивых американцев травят повсюду — дома, на заводе, на службе, в школе, в университете.

Предоставим слово американской конституции и одновременно — фактам сегодняшней американской действительности.

●

Первая поправка к конституции США гласит: «Конгресс не примет закона... ограничивающего свободу слова».

Одиннадцать лидеров коммунистической партии США приговорены к тюремному заключению на 5 лет по обвинению в том, что они «тайно объединились для организации коммунистической партии и для пропагандирования и распространения учения марксизма-ленинизма».

Профессор Ральф Спитцер уволен из университета штата Орегон. «Обвинение»? Профессор Спитцер на страницах научного журнала призывал внимательно изучать научные труды академика Лысенко.

Доктор Ли Лорх изгнан из колледжа, потому что выступил с протестом против выселения негритянских семей из жилого комбината в Нью-Йорке.

Профессор Лиман Бредли удален из Нью-Йоркского университета, где он возглавлял отдел германоведения, за то, что выступал в защиту жертв франкистского террора в Испании.

Профессору Джемсу Барфиту пришлось покинуть свою кафедру в университете штата Джорджия. Его «вина» была в том, что он согласился выставить свою кандидатуру в губернаторы штата от прогрессивной партии.

В той же первой поправке к конституции США говорится: «Конгресс не примет закона, ограничивающего... свободу печати».

26 июля 1951 года в помещение газеты «Пиплс уорлд» (Калифорния) ворвался отряд тайной полиции. Редактор газеты Ол Ричмонд был отправлен прямо из редакции в тюрьму. Вместе с ним был посажен за решетку Филипп Коннэли, редактор лос-анжелосского издания газеты.

В тексте обвинительного акта против калифорнийских журналистов сказано, что в своих статьях они... «отражали взгляды коммунистической партии». Министерство юстиции цинично «разъяснило» по этому поводу, что этим журналистам, как и всем другим, не возбраняется издавать газеты; но если они сами станут писать статьи в газетах, они рискуют очутиться в тюрьме («Пиплс уорлд», 27 июля 1951 года).

И, наконец, первая поправка предусматривает, что «конгресс не примет закона, ограничивающего право народа мирно собираться».

20 июня этого года в Нью-Йорке много американцев и американок были подняты ночью с постелей и отправлены в тюрьму за ...использование ими права собраний, гарантированного конституцией США. В обвинительных актах против этих подвергшихся аресту лиц даны такие формулировки (приведены в газете «Нью-Йорк таймс» от 21 июня 1951 года): «Джордж Блэйк Чэрни, сим обвиняемый, явился на митинг и принял в нем участие».

●

Четырнадцатая поправка к конституции США объявляет: «Никакой из штатов не может принимать и не должен требовать выполнения законов, которые ущемляют права, личную неприкосновенность граждан... или лишают какое-либо лицо равной защиты закона».

По распоряжению федерального правительства в ряде портов США проводится «просеивание» (подлинное выражение ряда американских газет) моряков и докеров. Пятнадцать тысяч рабочих этих профессий, включая активных организаторов профсоюзов, включены в черные списки по указанию предпринимателей. Чистка проводится под тем предлогом, что эти рабочие представляют «угрозу для безопасности США» при нынешнем «чрезвычайном положении».

●

Пятая поправка к конституции США предусматривает: «Ни одно лицо не может быть лишено жизни, свободы или имущества без соответствующей судебной процедуры».

30 октября в Хайлэнд-парке, пригороде Детройта (штат Мичиган), полицейский убил выстрелом в спину 18-летнего негра Уолтера Ушена. Полицейский объяснил свои действия тем, что негр ехал в машине с недозволенной скоростью.

В городе Цицеро (штат Иллинойс) банда ку-клукс-клановцев сожгла дом, где хотела поселиться негритянская семья, и уничтожила имущество этой семьи. Суд привлек к ответственности не бандитов, а... жителей города, заступившихся за семью негра. В настоящее время неграм запрещено поселяться в городе.

●

Пятнадцатая поправка к конституции говорит: «Право голосования граждан США на выборах не должно быть отрицаемо или ограничиваемо...»

В трех штатах — Миссисипи, Алабама и Луизиана — к голосованию допускается всего 21 тысяча негров из 1 500 тысяч негров, имеющих право голосовать на выборах... В штатах Арканзас, Алабама, Южная Каролина, Теннесси, Техас, Виргиния по избирательному статуту из списков избирателей официально исключаются все негры-арендаторы.

18 ноября 1951 года в Опилусасе (штат Луизиана) шериф Лэнклос застрелил 33-летнего негра Джона Митчела. По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, Джон Митчел добивался решения федерального суда о предоставлении ему права голосования, и его «столкновение с шерифом» произошло на этой почве...

Дж. КЛАРК

Расправа полиции с забастовщиками во время недавней стачки нью-йоркских докеров. На основе «закона Тафта — Хартли» эта стачка была объявлена Трумэном «незаконной».

Негодование народа против превращения Северной Африки в американский военный плацдарм внушает империалистам панический страх. Недавние события в Касабланке, где в результате полицейской провокации было убито шесть марокканцев, несколько десятков ранено и свыше 500 арестовано, послужили сигналом к волне полицейского террора, развернувшегося по всей Северной Африке.

На снимке: французские танки на улицах Касабланки (Марокко).

РАЗГОВОР О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Джордж МАРИОН

Мистер Джозеф Генри Джексон, редактор отдела критики сан-францисской «Кроникл», оказался похожим больше на бизнесмена, чем на литератора. Меня это даже обрадовало. Я явился к нему не для того, чтобы беседовать о живописи, поэзии или о проблемах американского романа. Я решил рискнуть: предложить мистеру Джексону поместить отзыв на мою последнюю книгу о Советском Союзе. И поэтому я сразу приступил к делу:

— Я мог бы оставить вам экземпляр моей книги, мистер Джексон. Она, мне кажется, содержит скромное и правдивое описание жизни Советского Союза, как ее может увидеть побывавший там рядовой американец. Россия сейчас в центре внимания, и я смею думать, что книга может привлечь к себе интерес читателей...

Мистер Джексон выжидательно молчал.

— Наученный горьким опытом, — продолжал я, — я хочу поговорить с вами, как журналист с журналистом. Когда вышла моя первая книга — «Базы и империя», — я в надежде на отклики в печати разослал по редакциям довольно много экземпляров. Дело кончилось для меня пустой тратой времени. Я не собираюсь повторять то же самое с новой книгой. Однако, очутившись проездом в Сан-Франциско, я подумал: было бы все-таки ошибкой, если бы я не представил книгу на суд одного из самых влиятельных литературных обозревателей Западного побережья...

Мой собеседник встретил и эту мою тираду благожелательным молчанием.

— Позвольте теперь задать вам прямой вопрос, мистер Джексон, — сказал я. — Можете ли вы при нынешнем политическом климате в Соединенных Штатах напечатать отзыв на книгу о России, которая несколько... не совпадает с одобряемым у нас шаблоном? Или вы находитесь под таким давлением со стороны вашего издателя, что сочтете это для себя неподходящим?

Должно быть, мистера Джексона возмутило подобное предположение. Он заявил, что уже свыше двадцати лет сидит в своем оффисе, что он никогда, никогда не подвергался какому-либо давлению! Если бы нечто подобное случилось, он в тот же день хлопнул бы дверью и ушел, он...

Я мягко перебил моего собеседника. Не пожелает ли он прочесть мою книгу, чтобы рассудить, достойна ли она его рекомендации?

Но мистер Джексон решительно отверг мое домогательство. Его обязанности, его «джаб» в газете — давать обзоры новинок, выпускаемых только книжными фирмами, которые зарекомендовали себя, как солидные предприятия! Обзор в газете привлекает внимание покупателя книги и помогает ее продвижению на рынок. Разумеется, издательства несут соответствующие расходы на эту цель. И он не может совать в отведенную ему газетную колонку первую попавшуюся книгу, о, нет!

Такие взгляды на функции литературной критики в американских газетах не были для меня новостью. Правда, мне редко приходилось выслушивать их в такой грубо откровенной форме.

— Я, — ораторствовал между тем мистер Джексон, — отвечаю за отдел в газете, включая воскресное книжное обозрение. Кроме того я должен лично давать ежедневную колонку книжных новостей. Мое время расписано по минутам. Я могу читать только то, что мне необходимо. Я не могу позволить себе возиться с книгой, о которой не будет ничего написано в моей колонке!..

Мне уже не хотелось перебивать мистера Джексона.

— Вот я открываю книгу вроде этой, — он указал на мою книгу. — Что я вижу? На обложке стоит: издательство «Фэйрплэй Паблишерс». Что я могу делать с такой книгой? Откуда я знаю, кто такие «Фэйрплэй Паблишерс»?!

— «Фэйрплэй Паблишерс» [1] — это, собственно говоря, я сам. Мне пришлось печатать книгу на собственные средства, — вежливо сказал я.

— Ага! Теперь представьте себе. Я написал или велел написать рецензию о вашей книге. Читатель, скажем, в городе Сакраменто требует эту книгу в магазине «Левинсон». Но там никогда не слыхали об издательстве «Фэйрплэй Паблишерс». И они так и ответят человеку из Сакраменто. И человек уйдет возмущенный и, может быть, напишет протестующее письмо к нам в «Кроникл». Три или четыре таких письма — и мой издатель скажет: «О чем он думает, этот парень Джексон? Почему он печатает отзывы о никому не известных книгах?»

Несколько минут назад мистер Джексон с искренним жаром уверял меня, что он никогда, никогда не потерпел бы давления на свою совесть! Я вполне допускаю, что он и впрямь не ощущает вмешательства извне в дела его книжной колонки: настолько он привык к вожжам, которые им управляют. Там, где нет сопротивления, нет и насилия! Но как бы там ни обстояло дело с мистером Джексоном, я почувствовал в эти минуты с особой ясностью, какой железный ошейник надет на читающего книги среднего американца...

Посмотрим, как действует вся эта машина. Небольшая группа крупнейших издательских фирм господствует на американском книжном рынке. В их руках или под их контролем находятся так называемые «книжные клубы», задающие тон в издательском деле, в их руках редакции газет и подавляющая часть книготорговой сети. Издатели меньшего калибра орудуют в тени этих гигантов и питаются объедками с их стола. Издательские магнаты охотно подвизаются в наши дни на арене внешней политики. С каждым годом они выпускают все больше книг, в которых звучит та же музыка лжи и клеветы на Советский Союз, что и в заявлениях государственного департамента и в передачах «Голоса Америки».

Есть, однако, люди, которые думают о Советском Союзе по-иному! Я, например, думаю по-иному. Вернувшись из Советского Союза, я рассказал в своей книге о фактах, опровергающих дикие представления, которые навязывают американцам сто раз в день. Книгоиздателям моя книга не нравится, и они ее не печатают. Ну что ж: если у меня есть средства, я печатаю ее сам в скромном числе экземпляров без их участия. Но тут оказывается, что на моей книге нет фабричного клейма «солидной» издательской фирмы, и мистер Джексон, как и целая армия его коллег, не подумает, конечно, дать на нее отзыв и тем открыть ей дорогу к среднему американцу. Вот то, что нам предлагают называть «свободой печати». На мой скромный взгляд, это самая свирепая цензура, какую когда-либо знал мир!

Я попробовал поделиться этими мыслями с мистером Джексоном.

— Не думаете ли вы, — начал я, — что, отбрасывая все книги, на которых нет штампа «солидных» издательств, вы нарушаете свободу печати?..

Мистер Джексон не дал мне договорить. У него уже был готов ответ.

— Ничего подобного! — воскликнул он категорически. — Вы даже представить не можете, сколько книг, изданных самими авторами, мы получаем с каждой почтой. То вам присылают экспериментальную пьесу, то томик стихов. Мы просто не имеем времени заниматься ими. У нас нет времени. Понимаете? Вот и все! При чем же тут свобода печати и тому подобные вещи?

— Однако, — возразил я, — «Нью-Йорк таймс» дает объявления и о книгах стихов и даже об экспериментальных пьесах. А вот перед моими книгами «Нью-Йорк таймс» всегда и неизменно закрывает дверь наглухо. Не думаете ли вы, что дело тут в **содержании** моих книг и что именно их содержание навлекло на меня немилость «Нью-Йорк таймс»?

Мистер Джексон широко раскрыл глаза и на минуту задумался. Видимо, раньше ему не приходилось размышлять на такие темы. Он поинтересовался: получил ли я объяснение, по какой причине мне было отказано? Я ответил, что писал издателю «Нью-Йорк таймс» Артуру Сульцбергеру, обращался к главному редактору Эдвину Джемсу и наконец получил отказ в письменной форме от заведующего рекламой Гарольда Холла. Но в письме не было и намека на причины отказа.

— В чем же тогда дело? — снова развел руками мистер Джексон.

— Ладно, — сказал я. — Выложим карты на стол. Моя книга «Базы и империя», несмотря на заговор молчания, все же получила в конце концов оценку. В «Анналах американской академии социальных наук» писали, что от нее нельзя просто отмахнуться, что она содержит «убедительную информацию, до сих пор бывшую недоступной для американского читателя». Что вы скажете на это, мистер Джексон? Пусть объяснят ваши коллеги: почему они прятали эту книгу от читателей, почему они замалчивают и мою последнюю книгу?

Пословица говорит, что мягкий ответ отводит гнев.

— Вы очень опытный спорщик, — сказал, любезно улыбаясь, мистер Джексон.

Но я пришел к нему не обмениваться комплиментами, да и не для того, чтобы спорить...

Мне вспомнилось, как несколько лет назад я вел разговор с миссис Элеонорой Рузвельт по тому же вопросу, что сейчас с мистером Джексоном. Дело было так. Я написал тогда

[1] «Фэйрплэй Паблишерс» по-английски — издательство «Честность».

НАСЧЕТ СОБАЧЬЕЙ ЖИЗНИ...

Один из конгрессменов в США предложил ввести особые номерные знаки, надеваемые на всех школьников, для того чтобы родители могли опознать труп своего ребенка «в случае атомного нападения».

Ребятам США приказ дан Вашингтоном
Ходить с собачьим номерным жетоном...
Не стоило ошейника вводить
Для школяров: полезней, несомненно,
Немедля на цепь прочно посадить
Иных сенаторов и конгрессменов!..

Борис ТИМОФЕЕВ

брошюру о наших газетных трестах под ироническим названием «Свободная пресса». На одной из ассамблей ООН в Лэйк-Саксессе миссис Рузвельт, в качестве члена американской делегации, сочла нужным выступить и заявить, что самый факт появления такой брошюры в Соединенных Штатах с несомненностью свидетельствует о свободе печати в этой стране.

Через день или два я встретился с ней в кулуарах. Полагает ли миссис Рузвельт, спросил я, что если закон формально не запрещает писать подобные книжки, то это и есть свобода печати? А как же быть, если большие издательские фирмы, контролируемые большими банками, сделали все, чтобы помешать выходу этой книжки из печати, и потом приняли все меры, чтобы она не попала к читателю? Это тоже, по-вашему, надо считать свободой печати?

— О, — презрительно усмехнулась миссис Рузвельт,— они имели право не печатать вашу брошюру!

Они имели право ее не печатать! И они, конечно, не напечатали ее. Они сделали все, чтобы помешать ее распространению, когда я издал ее сам. Вот что называется у нас свободой печати, свободой информации, свободой мысли, свободой обсуждения!..

В своих книгах я излагаю не только мои мысли. Я передаю то, что видят и говорят миллионы и десятки миллионов людей за пределами Америки. Почему устраивается заговор молчания вокруг таких книг? Потому, что надо заставить американский народ мириться с замороженной заработной платой, с ростом цен, высокими налогами, гонкой вооружений, с бессмысленной войной в далеких странах; а для этого требуются дикие вымыслы об «агрессивности» Советского Союза, вымыслы, противоречащие очевидным фактам, которые бросаются в глаза любому американцу, приезжающему в СССР.

Свобода мнений, свобода печати!.. Недавно я прочел заявление таких высокопоставленных носителей нашего правосудия, как члены Верховного суда Соединенных Штатов. Они сочли нужным высказать суждение о черных списках «подрывных элементов», списках, в которые генеральный прокурор заносит отдельных американских граждан и целые организации. Как известно, не проходит и дня, чтобы над кем-либо из людей, занесенных в эти списки, не учинялось какое-либо насилие — травля, избиения, увольнение с работы и прочие издевательства, нередко толкающие преследуемых на самоубийство.

И вот ученые представители нашей юстиции, включая и главного судью, заявляют, что подобные дикие беззакония ни в какой мере «не нарушают конституционных прав и свободы американцев»! Высокие судьи считают, что люди, заносимые в «черные списки» и выдаваемые на расправу бандам хулиганов, находятся в таком же положении, как и «всякий американец», исповедующий «непопулярные воззрения»!.. «Конституция не нарушается!»

Конечно, они могут обрубить вам руки по самое запястье, но будут хвалиться, что вы «не лишены права» диктовать машинистке. Они отдают наши профсоюзы под начало «лойяльных американцев», купленных предпринимателями, и сажают в тюрьмы рабочих лидеров, которые настолько «несовременны», что борются за более справедливую плату, — и все равно считается, что у нас «есть свобода союзов»! Можно арестовывать — и это уже делается — видных американцев, осмеливающихся проповедывать мир, обвиняя их в отказе зарегистрироваться в качестве агентов иностранной державы; и все равно, пока американцев формально не лишили права думать и говорить, конституция считается «ненарушенной».

Все эти мысли промелькнули в моей голове. Но я понимал, что нет смысла превращать мой разговор с мистером Джексоном в «долгий парламент»...

Мы расстались дружески. Мистер Джексон сказал, что он подумает, но не обещал ничего. Я и не жду ничего. Бессмысленно ждать от печати Большого бизнеса гостеприимного отношения к писателям, которые выступают против политики Большого бизнеса. Нет, мы можем полагаться только на наши собственные силы!

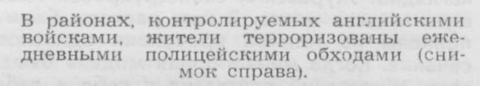
Сокращенный перевод с английского

Колонизаторы в Малайе

Земля горит под ногами английских империалистов в Малайе. Но монополии готовы идти на любые преступления, чтобы сохранить сверхприбыли, которые они выкачивают из этой колонии. Рабочие каучуковых плантаций вынуждены работать под дулом автомата.

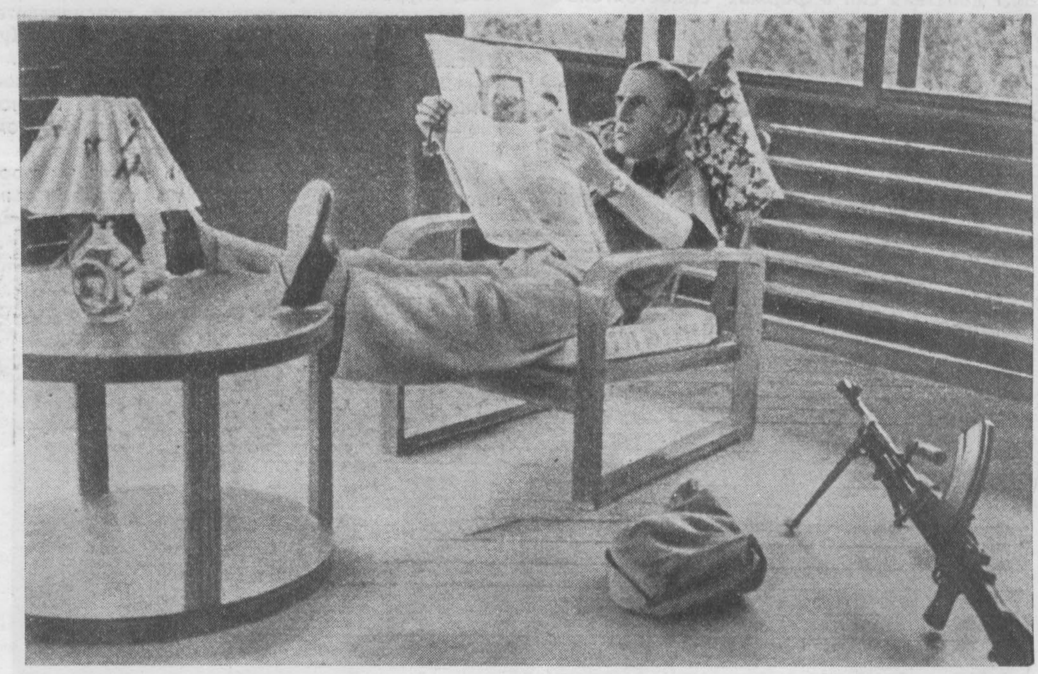

Каучуковые плантации окружены укрепленными наблюдательными постами. Английский плантатор принимает рапорт вооруженной охраны.

В районах, контролируемых английскими войсками, жители терроризованы ежедневными полицейскими обходами (снимок справа).

Ни днем, ни ночью не покидает плантаторов панический страх перед народом, на слезах и крови которого они наживают колоссальные прибыли.

СТРОИТЕЛЬ МОСТОВ

В. ПАРФЕНОВ,
кандидат технических наук

— Вы так много балок сломали,— с усмешкой сказал американец-консультант Уистлер,— что я сомневаюсь, хватит ли леса на постройку мостов.

Тот, к кому адресовались эти слова,— русский инженер Дмитрий Иванович Журавский — спокойно ответил:

— Не беспокойтесь, мистер Уистлер, лесом Россия богата.

— У нас в Штатах никто не разрушал балок перед тем, как сооружать мост... Пора начинать настоящее дело, а не тянуть,— проворчал Уистлер, окидывая презрительным взглядом полевую лабораторию Журавского. Здесь было навалено множество образцов древесины. Длинные и короткие стержни, круглые, прямоугольные, квадратные, зажатые в особые клещи, они с треском ломались под тяжестью гирь и мешков с песком.

— Вы говорите, в Америке не разрушают балок? Это так. Зато мосты у вас часто падают. Сколько катастроф произошло у вас на дорогах, мистер Уистлер?

Американец не ответил, он предпочел промолчать. В то время — более ста лет назад — газеты и журналы пестрели сообщениями о катастрофах за океаном. Да и не только там. Дважды разрушался огромный железнодорожный мост через Тейский залив в Шотландии. Во второй раз здесь рухнули в воду тринадцать пролетов вместе с проходившим поездом.

Русские инженеры и техники строили самую большую в то время дорогу-двухпутку между Москвой и Петербургом. Они хотели сделать движение по ней безопасным. Случайные консультанты, вроде Уистлера, только мешали делу, насаждая голый эмпиризм, верхоглядство вместо строгого расчета.

Инженер Д. И. Журавский, проектировавший железнодорожные мосты, понял, что на одной интуиции далеко не уедешь, а помощи ждать неоткуда. Нужно было самому рассчитать прочность каждого элемента моста, разгадать законы действия сил в фермах, самостоятельно создать методы расчета.

Вот почему прежде чем сесть за чертежную доску, Журавский так настойчиво «ломал» балки. Он хотел точно знать, как влияют на прочность строительного элемента его профиль и форма сечения, влажность древесины, насколько снижается прочность при ударном действии нагрузки.

От испытания отдельных балок Журавский

Дмитрий Иванович Журавский (1821—1891).

перешел к целым системам — так называемым мостовым фермам. Много причудливых решеток придумывал и нещадно разрушал исследователь в своей лаборатории. Опыты сопровождались расчетами, которые показывали, что в середине однопролетной фермы моста раскосы напряжены меньше, чем около опор.

Если это так, решил Журавский, то, вопреки установившейся традиции, раскосы в средней части моста можно строить из более тонких и легких брусьев. Это позволит создать более дешевые и красивые мосты вместо прежних неуклюжих, тяжелых сооружений.

Особенно резко выступил против такого утверждения консультант-гастролер Уистлер. Он утверждал прямо противоположное: балки моста в середине пролетов будто бы подвержены более высоким напряжениям, чем у опор. А если русский инженер Журавский не согласен, тем хуже для него.

Чем доказать вздорность такого суждения? Если расчеты не убеждают, надо доказать это наглядно. Журавский сконструировал небольшую модель моста. В нем раскосы были выполнены из толстой проволоки одинакового сечения. Когда миниатюрная модель была готова, Журавский пригласил к себе в лабораторию инженеров, техников и консультанта. Гости крайне удивились, увидев в руках Журавского обыкновенный скрипичный смычок.

— Я сегодня намерен дать вам небольшой концерт,— сказал, улыбаясь, Дмитрий Иванович,— только вместо скрипки инструментом будет модель железнодорожного моста.

Инженер разместил груз на мостовых пролетах и провел смычком по проволочным тягам Раздались переливчатые звуки. Тяги, находящиеся вблизи опор, издавали высокий звук. Но как только смычок касался тяг, расположенных в середине моста, звук становился глухим и низким.

— Каждый знает,— пояснил Журавский,— что по высоте звучания струн можно судить о степени их натяжения. Если наши струны в середине моста звучат ниже, чем у опор, значит, и натянуты они меньше.

Так впервые был неопровержимо доказан один из основных законов мостовых сооружений — закон распределения усилий в решетке ферм по длине моста. Даже Уистлер вынужден был признать правоту русского инженера.

Создав методы расчета, Д. И. Журавский приступил к проектированию. В очень короткий срок он разработал проект Веребьинского моста, ставшего гордостью русского инженерного искусства.

Рассчитанные по методу Журавского, один за другим сооружались легкие, красивые и прочные мосты через Волгу, Мсту, Шошу, Тверцу. Построенные не по наитию, а на основе точного расчета, они обладали запасом прочности, исключающим опасность аварии.

Благодаря Журавскому прекратилось разрушение мостов на всех железных дорогах мира. Его опыт стал достоянием мостостроителей всех стран.

Сдана в эксплуатацию железная дорога Петербург — Москва, и Журавский засел за рабочий стол. Он занялся обобщением своих опытов и расчетов. Через несколько лет вышел в свет его знаменитый труд «О мостах раскосной системы Гау».

В предисловии Журавский с гордостью писал: «Исследование балок, состоящих из брусьев, раскошенных и связанных между собой, было сделано в России прежде, чем о том было напечатано на английском, французском или немецком языках...» Американский инженер Гау, использовавший раскосную ферму, подобную фермам Журавского, не решил основной задачи мостостроителей: он не мог ее рассчитать. В основе его высказываний была догадка, не подкрепленная расчетами.

Только личной скромностью можно объяснить то обстоятельство, что Журавский в заглавии своего труда упомянул о «системе Гау». Всесторонне обоснованную Журавским систему справедливо назвать его именем. Его труд получил прекрасный отзыв известного русского математика П. Л. Чебышева и был удостоен Демидовской премии Академии наук.

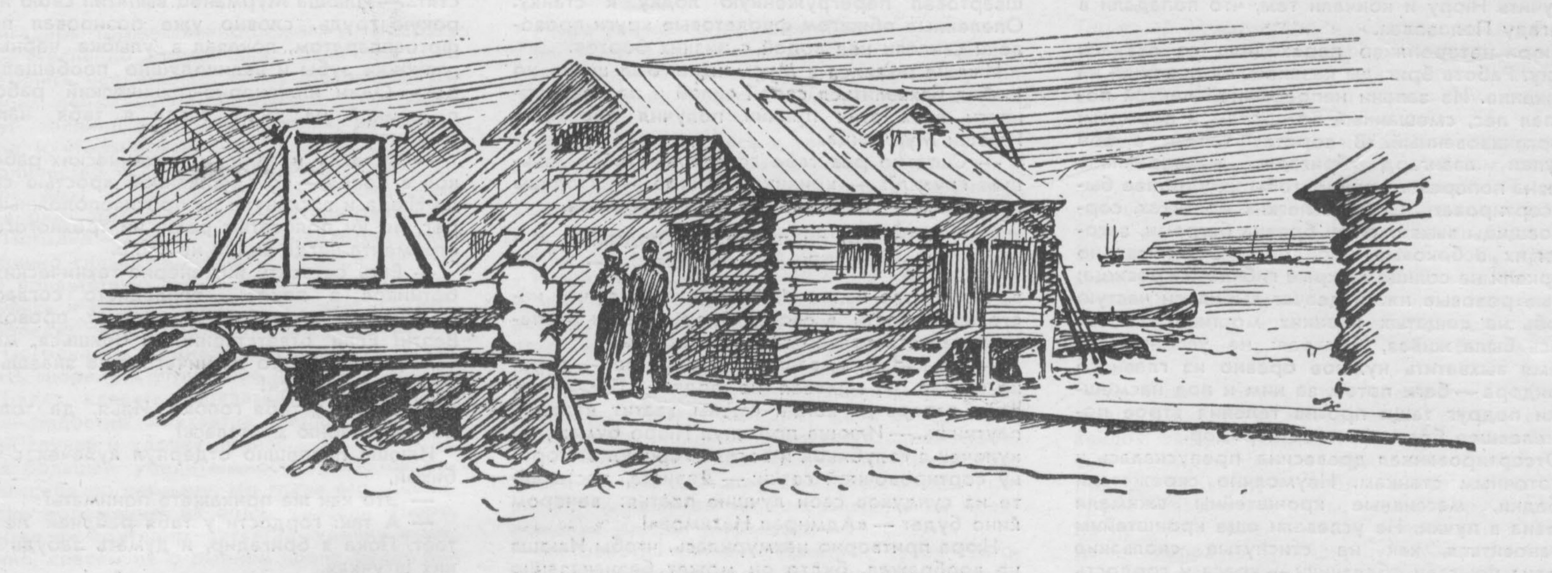
Д. И. Журавский так писал об обязанностях инженера: «Чтобы сокровища, разбросанные на громадном пространстве, могли сделаться достоянием народа... нужно много труда со стороны инженеров, требующего много знания и большой энергии».

Проницательность Журавского, его склонность к широким обобщениям, смелым, оригинальным выводам высоко ценили современники. Еще во время первых испытаний он обнаружил, что при увеличении нагрузки в стенках балки появляются продольные трещины. С прозорливостью опытного ученого 25-летний инженер нашел пути к разгадке этого явления и определил величину так называемых касательных напряжений в изгибаемой балке. В наши дни ни одна инженерная конструкция из дерева и металла не создается без учета напряжений, открытых Журавским.

Посвятив свою жизнь развитию железнодорожного дела, Журавский ревностно следил за успехами и в смежных областях техники. И не только следил, но и двигал их вперед со свойственной ему научной отвагой. Кто не обращал внимания на величественный шпиль Петропавловской крепости в Ленинграде? Он создан по чертежам Д. И. Журавского. Решая задачу, он проделал множество опытов над моделями, чтобы выяснить характер напряжений в тонкой стенке. Разработкой теории сквозных пирамидальных конструкций русский инженер на 40 лет опередил зарубежную технику.

Прошло 60 лет со дня смерти выдающегося инженера, патриота, высоко державшего знамя отечественной науки, — Д. И. Журавского. Многие его замечательные инженерные труды и поныне сохранили свою теоретическую и практическую ценность.

Веребьинский мост, построенный Д. И. Журавским.

В КОНЦЕ МЕСЯЦА

Рассказ

Борис БЕДНЫЙ

Рисунки К. Арцеулова

1

Касаясь друг друга плечами, они медленно шли посреди пустынной улицы нового поселка. Неубранная щепа мягко пружинила под ногами. Пахло сырым деревом и оконной замазкой.

Нюра веточкой отгоняла мошкару, Михаил сбоку пристально смотрел на нее, будто раз и навсегда хотел, наконец, понять, почему он так глупо робеет, когда остается с Нюрой наедине. Но чем сильнее старался он решить загадку, тем больше убеждался, что разобраться во всем этом никак невозможно. Оставалось только радоваться тому, что непонятная Нюра существует на белом свете, идет сейчас рядом с ним и отмахивается от назойливых комаров жиденькой веточкой. И Михаил радовался.

В промежутках между домами мерцала река, залитая неживым светом ночного северного солнца. Поселок спал, а жизнь на реке не затихала ни на минуту: глухо скрежетали лебедки на сплоточных станках, на дровяной бирже тонко визжала далекая пила-балансирка, белой нарядной тенью скользнул двухпалубный пассажирский пароход.

Со стороны запани раздался протяжный крик:

— Лесу дава-ай!..

— Полозов нагоняет кубометры! — презрительно сказала Нюра.

Чтобы поддразнить Нюру, Михаил спросил:

— Говорят, в этом месяце он тебе на пятки наступает?

— До конца месяца еще два дня. Все разно я Полозова обставлю!..

Она хвасталась! Михаил счастливо улыбнулся.

Нюра щелкнула веточкой по невысокому срубу строящегося дома и сказала доверительно:

— Начальник запани обещал мне в этом доме комнату. Как перееду, сразу начну женишка искать. Придешь на свадьбу?

— Пригласишь, так приду...— хмуро ответил Михаил.

«Испугался!» — удовлетворенно подумала Нюра и вдруг отчетливо представила свою свадьбу в новом доме: нарядных подруг, стол, накрытый перекрахмаленной, неподатливой скатертью, капельки смолы на непросохших стенах. Она и Михаила увидела на свадьбе, только не гостем, совсем не гостем...

Нюра осторожно покосилась на спутника: не догадывается ли он о ее мыслях? Но тот сосредоточенно теребил вихор — все еще не мог опомниться после приглашения на свадьбу.

В поселке было по-ночному тихо и безлюдно. Лишь в конторе кричал по телефону охрипший диспетчер да в доме ИТР ленинградская студентка-практикантка сидела в накомарнике у раскрытого окна и читала пухлую книгу.

На крыльце общежития Нюра подала руку на прощание.

— Спешишь? — обидчиво спросил Михаил.

— Не стоять же тут... Увидят — тебя первого обсмеют.

— А мы в коридор зайдем! — храбро сказал Михаил, толкнул дверь и торопливо шагнул через порог.

Они стояли друг против друга у двери ее комнаты и молчали. Знакомый коридор казался Нюре в темноте чужим, настороженно светились прислоненные к стенам белые багровища. Михаил взял ее руку, повернул ладонью кверху, щекотно провел пальцем по твердым бугоркам мозолей.

— Трудно работать? — спросил он виноватым шепотом, словно стыдился, что у него самого на руках нет мозолей.

Нюра отрицательно покачала головой. Выбившийся из-под фуражки Михаила вихор дразнил ее, она все время сдерживала себя, чтобы не вцепиться в него пальцами. «Все-таки легкомысленная я!» — огорченно подумала Нюра.

Михаил вдруг положил руки на ее плечи и неуверенно потянулся к ней губами. Тогда Нюра дернула его за вихор, сбросила с плеч руки и захлопнула за собой дверь общежития.

Подруги спали, разметавшись на койках,— спали так же буднично и безмятежно, как вчера и позавчера, а учетчица Катя в дальнем углу комнаты даже храпела, будто решительно ничего не произошло только что в мире. Нюре захотелось разбудить их всех. Она прижалась горячей щекой к прохладному дверному косяку и от всей души пожалела подруг за то, что они могут спать в такое время.

В коридоре послышались удаляющиеся шаги, загремел опрокинутый багор. Даша Векшина, комсорг и нюрина соседка по койке, приподнялась на локте и осуждающе сказала:

— Явилась, полуношница!

Нюра нырнула к Даше под одеяло, обняла большое теплое тело подруги, зашептала на ухо:

— Дашок, какая я сейчас счастли-ивая!

И все время видя перед глазами склоненное лицо Михаила, его близкий ищущий рот, она крепко поцеловала комсорга в мягкие сонные губы.

— Ой, Нюрка, не доведет тебя гулянье до добра! Все-таки ты ему не пара: он техник, а ты рабочая...

— Не при капитализме живем! — отодвигаясь от подруги, обиженно сказала Нюра.

— Да, но разница между физическим и умственным трудом у нас еще не изжита полностью! — громко и наставительно произнесла Даша, будто выступала на комсомольском собрании.

На соседних койках зашевелились девчата, храп в углу прекратился.

— Нашли время политграмотой заниматься! — сердито сказала Катя-учетчица.

— Обрати внимание на практикантку,— доброжелательно шепнула Даша,— мне кажется, она к Михаилу твоему неравнодушна...

Нюра перебралась к себе на койку. Долго лежала с открытыми глазами, думала о практикантке и Михаиле, о том, так ли уж велика разница между физическим и умственным трудом...

Заснула она с твердым решением ехать осенью учиться.

2

Нюра обходила запань.

На первый взгляд сплавщики из нюриной бригады не производили впечатления хороших работников: больно уж они были молоды и поребячьи несолидны. Корреспондент областной газеты, посетивший недавно запань, долго не хотел верить, что перед ним знаменитая сквозная бригада Нюры Уваровой, о которой часто писала газета. Но, увидев ребят в труде, корреспондент сразу перестал сомневаться. В газете появилась еще одна хвалебная статья о нюриной бригаде, а потом целый очерк, посвященный одному только Паше Туркину, обвязчику.

Был досконально описан весь рабочий день Паши, все ухищрения, при помощи которых он экономит секунды. Корреспондент не позабыл упомянуть о синем шевиотовом костюме, в котором по выходным дням щеголяет Паша, и добросовестно списал с библиотечного формуляра заглавия всех книг, прочитанных обвязчиком с начала года. Но отец Паши, старый такелажный мастер, прозванный за строгость Филином, выпал из поля зрения корреспондента. Поэтому и не понял он, почему, закуривая папиросу, Паша каждый раз озирается по сторонам; не видел корреспондент, как, подходя к своему дому, прославленный обвязчик чистоначисто вытряхивает карманы, чтобы не подвела его какая-нибудь завалящая табачинка.

С пожилыми сплавщиками, кичащимися многолетним опытом, Нюра уживалась плохо. С ними было много возни: мужская гордость их никак не могла примириться с подчинением «девчонке». Они спорили, все время пробова-

ли учить Нюру и кончали тем, что попадали в бригаду Полозова...

Нюра неторопливо переходила от звена к звену. Работа бригады казалась ей похожей на сражение. Из запани непрерывной лентой поступал лес, смешанный по сортам и породам, неорганизованный. В воротах запани в бой вступал авангард бригады, разворачивая бревна поперек течения, чтобы их удобнее было сортировать. Стоя на легких мостиках, сортировщицы выхватывали бревна баграми, загоняли их в боковые коридоры. Ослепительно сверкали на солнце мокрые гибкие багровища; голые розовые пятки девчат выбивали частую дробь на дощатых звонких мостиках. Работа здесь была живая, быстрая: не успеешь вовремя выхватить нужное бревно из главного коридора — беги потом за ним и под насмешками подруг тащи против течения втрое потяжелевшее бревно в свой коридор.

Отсортированная древесина пропускалась к сплоточным станкам. Неумолчно скрежетали лебедки, массивные кронштейны сжимали бревна в пучки. Не успевали еще кронштейны остановиться, как на стиснутые скользкие бревна прыгали обвязчики — краса и гордость всей нюриной бригады,— проволокой крепили концы пучков. Проволока сегодня выдалась новая, мягко обожженная; пучки вылетали из станков один за другим, плотные, крутобокие — до самого Архангельска дойдут, не растеряв по дороге ни одного бревнышка... Держись, Полозов!

На сортировке Нюра долго простояла возле новой работницы. Была она маленькая, совсем девчурка; и хотя багор еще плохо слушался ее, но Нюра уже видела, что из девчурки получится толк. Все у новенькой было малое: руки, ноги, косички, только фамилия была длинная — во всех ведомостях и списках не вмещалась в графу «фамилия, имя, отчество». Нюра принесла топор, укоротила девчурке багровище. Работать новенькой сразу стало легче. Она покраснела от благодарности и сказала тоненьким голоском:

— Спасибочко...

Нюра любила обходы. Злые языки говорили, что во время обходов она чувствует себя генералом. В этом была доля правды. Все неполадки Нюра сама устраняла на месте, редко согласовывая свои действия с мастером. Мастер только недавно окончил курсы, в глубине души побаивался бойкой бригадирши и в ее распоряжения не вмешивался. Ощущение своей заслуженной власти, оправданной доверием всей бригады, радовало Нюру.

Сегодня никаких неполадок Нюра не обнаружила. Звеньевые были на местах, все решали сами,— недаром начальник запани говорил, что звеньевых из бригады Уваровой давно уже пора произвести в десятники.

«Поднаторели!» — покровительственно подумала Нюра и заглянула в бачки для питьевой воды. Бачки оказались пустыми, сюда звеньевые еще не научились смотреть. Нюра сошла на берег, потоаропила кипятильщиц залить бачки, чтобы вода успела остыть к наступлению жары.

На другом берегу реки, против станков, появились человеческие фигурки с длинными полосатыми рейками. Нюра заметила возле кустов знакомую желтую треногу и машинально поправила волосы. Ярко горело на солнце лучистое стеклышко, будто дружелюбно подмигивало Нюре и посылало ей привет. У инструмента стоял Михаил, махая фуражкой своим реечникам. Те, видимо, не понимали его, и Михаил вприпрыжку побежал к ним, придерживая на боку полевую сумку. «Эх ты, техник геодезический,— с ласковой насмешкой подумала Нюра,— не договорился сначала, теперь бегаешь!..»

Нюра вернулась на станок, надела новые брезентовые рукавицы, кольнувшие пальцы необжитым холодком, и стала на вязку пучков. Она сменила напарника Паши Туркина, чтобы дать парню передохнуть, а заодно сбить спесь и с самого Паши, который в последнее время, после появления о нем очерка в газете, больно уж задирал нос. Нюра проработала на обвязке до обеда и вогнала Пашу в пот. Пришлось тому даже о куреве забыть.

3

Голый по пояс, кирпично загорелый Илюша-такелажник, осторожно руля веслом, пришвартовал перегруженную лодку к станку. Опаленные обжигом фиолетовые круги проволоки свисали над водой с низких бортов.

Илюша родился в Мурманске, был щуплым, но любил бахвалиться своей силой и по совокупности всех этих причин получил прозвище Илюши Мурманца.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы меньше грузил?! — крикнула Нюра. — Утопишь проволоку — заставлю со дна подымать.

«Со дна он проволоку подымет
И перевыполнит свой план...» —

во все горло запел Илюша, чувствуя, что настоящей злости в словах Нюры нет и распекает она его только так, для формы.

— Не кипятись, ваше бригадирство! — дерзко сказал он, вылезая из лодки.— Последний рейс, теперь до конца смены хватит каленой паутинки...— Илюша протянул Нюре бумажный кулечек с голубикой и весело гаркнул в сторону сортировочной сетки: — Девчата, доставайте из сундуков свои лучшие платья: вечером кино будет — «Адмирал Нахимов»!

Нюра притворно нахмурилась, чтобы Илюша не воображал, будто он может безнаказанно высмеивать бригадира, и строго спросила:

— Новой проволоки на складе много еще?

— Как раз Полозову на смену хватит.

— А дальше?

— Дальше опять старье пойдет...— виновато сказал Илюша Мурманец, словно по его недосмотру баржа с такелажем села на мель в сотне километров от запани и Филин пустил в работу жесткую, старую проволоку, вязать которой было гораздо труднее, чем гибкой, новой.

Нюра задумчиво мяла в губах крупную дымчато-сизую ягоду из илюшиного кулечка.

— У меня предложение есть,— вкрадчиво зашептал Илюша, заговорщически нагибаясь к уху бригадирши.— Что если вывезти всю новую проволоку со склада, да и припрятать для себя? Пусть полозовские старички попыхтят над старой!.. Только прикажи — я мигом обернусь: не успеет стриженая девка косы заплести — проволока здесь будет!..— Нюра внимательно смотрела на своего бойкого такелажника, будто впервые его видела.— Сомневаешься? Боишься, что Полозов узнает? Да я так запрячу, что сам Филин не найдет: затопим проволоку между станками или внутри понтона сложим — ищи-свищи!.. Везти, что ли? А Полозову со старой проволокой за нами никак не угнаться! Опять о нашей бригаде в газете напишут, а может быть, даже фотографии поместят...— Илюша Мурманец выпятил свою неширокую грудь, словно уже позировал перед фотоаппаратом, показал в улыбке черные от голубики зубы и великодушно пообещал Нюре: — Один инженерно-технический работник с сумкой на боку тогда в тебя наповал влюбится!

— Оставим инженерно-технических работников в покое,— со сдержанной яростью сказала Нюра и взглянула на противоположный берег, но ни полосатых реек, ни трехногого инструмента нигде видно не было.

— Есть оставить инженерно-технических работников в покое! — покладисто согласился Илюша.— Ну, так как же насчет проволоки? Везти? Если ответственности боишься, можно так сделать, будто ты ничего и не знаешь... На мой страх и риск!

— Умная у тебя голова, Илья, да только... не тому парню досталась!

Илюша поспешно отдернул кулечек с голубикой.

— Это как же прикажете понимать?

— А так: гордости у тебя рабочей не хватает. Пока я бригадир, и думать забудь о таких штучках.

— Ах, гордости!..— насмешливым тенорком пропел Илюша, но не выдержал тона и докончил обиженно: — Ведь не для себя, для бригады стараюсь!

— Плохо стараешься,— возразила Нюра.— Ты же хотел всю бригаду опозорить. Как ты этого не понимаешь?

Такелажник швырнул кулечек с голубикой в воду.

— Ладно, пусть Полозов из-за нашей глупой честности премии получает. Он-то, небось, такого случая не упустил бы!

Илюша Мурманец демонстративно повернулся спиной к Нюре, беспечно запел: «А счастье было так возможно...» — и стал выгружать проволоку из лодки.

...Тягучие удары в рельс далеко разнеслись над водой. Конец смены.

Затихли станки, опустели сортировочные мостики. Катя-учетчица, упершись руками в бока, в горделивой позе стояла на берегу, возле сигнального рельса, и вид у нее был такой нестерпимо важный, будто она на запани самый главный начальник: вот постучала в рельс — и все слушаются ее, кончают работу.

Сходя на берег, Нюра лицом к лицу столкнулась с Полозовым. Опухшая щека бригадира была повязана синей в горошинку косынкой: у Полозова болели зубы.

Бригадиры торжественно пожали друг другу руки, стесненно помолчали. Если бы они встретились наедине, то сразу разошлись бы по своим делам, не тратя времени попусту. Но вокруг толпилось много рабочих из обеих бригад, и, чтобы показать им, что, несмотря на соперничество в соревновании, бригадиры не питают друг к другу никаких враждебных чувств, они затеяли дипломатический разговор.

— Погодка — душа не нарадуется! — восторженно сказал Полозов.

Все присутствующие, как по команде, повернулись к Нюре, ожидая, что она скажет, как поведет себя в этом турнире дипломатов.

— Погодка по специальному заказу! — отозвалась Нюра.— К утру рыба должна клевать...

— Будет клевать, обязательно будет клевать! — радостно подхватил Полозов.— Я на всякий случай и удочку припас.

Для большей убедительности Полозов похлопал себя по карману. Но глаза его, оценивающие положение на воде, сказали Нюре, что вряд ли бригадир захватил удочку и уж, конечно, совсем не о рыбной ловле будет полозовская думка завтра утром, в последние часы напряженной месячной работы.

4

Даша Векшина молча наблюдала за сборами подруги. Нюра долго примеривала платья перед зеркалом, словно полную ревизию производила своему гардеробу Потом она битых полчаса причесывалась — все никак не могла себе угодить. Наконец гребень был оставлен в покое. Даша уже взялась за ручку двери, когда Нюра вдруг, закусив губу, рывком стащила с себя цветастое платье и надела скромное полотняное.

«Не хочет показать, что для техника своего одевается,— одобрительно подумала Даша.— Самолюбивая!»

В клубе было шумно. В первых рядах зрительного зала вперемежку сидели нетерпеливые школьники и степенные старики. Обещающе и заманчиво белел чистый, пустой экран.

Нюра окинула глазами зал, разыскивая Михаила. Много знакомых лиц увидела она, но Михаила нигде не нашла: в солнечные дни он всегда задерживался на работе. Паша Туркин красовался в своем знаменитом синем костюме, описанном в газете. Илюша Мурманец высоко засучил рукава рубахи, чтобы все могли беспрепятственно любоваться его бицепсами, которые по клятвенному уверению такелажника обладали удивительной крепостью. Пришла и ленинградская студентка-практикантка, та самая, что вчера вечером читала книгу у окошка, напялив на себя накомарник. Практикантка сидела недалеко от входа и все посматривала на дверь, словно тоже кого-то поджидала.

«Уж не Михаила ли?» — обеспокоенно подумала Нюра, вспомнив предостережения Даши. Она придирчиво осмотрела студентку, но по внешнему виду никак нельзя было догадаться, кого именно та ожидает. Нюра положила рядом с собой платок, занимая место для Михаила, и, чтобы унизить соперницу, спросила ее мысленно: «Что же ты в кино ходишь без накомарника, отчаянная? И не боишься, что комары тебя заедят?»

Перед кинокартиной был доклад. Докладчик скучным голосом читал по бумажке цифры и, глотая окончания слов, скороговоркой выпаливал длинные цитаты.

— Построить клуб в тайге — это мы можем,— сказала Даша,— а раздобыть дельного докладчика никак нельзя. Ох и ругаться я завтра буду в райкоме!

Когда докладчик кончил, ему дружно захлопали: во-первых, потому, что в клубе сидели простые рабочие люди, которые привыкли уважать чужой труд, а во-вторых, он все-таки быстро завершил свой доклад.

Перед самым началом сеанса в зал вошел Михаил. На боку у него висела полевая сумка: не успел домой забежать после работы. «Наверно, и не обедал...» — жалостливо подумала Нюра. Михаил повернул голову в ее сторону, и как раз в этот момент в зале погас свет. Нюра так и не поняла, заметил он ее или нет.

— Миша,— заискивающе позвал сзади женский голос,— садитесь сюда.

Нюра узнала голос практикантки.

— Понаехали наших ребят отбивать!..— тихо сказала Даша и многозначительно посмотрела на подругу, намекая на их ночной разговор.

Осторожно двигаясь в темноте, Михаил подошел к Нюре, сел рядом, пожал руки ей и Даше, которая вежливо и немного разочарованно отодвинулась от влюбленных.

— Какие новости? — шепотом спросил Михаил.— От Полозова еще не оторвалась?

Нюра отрицательно покачала головой и улыбнулась, радуясь тому, что Михаил, несмотря на происки практикантки, сидит рядом с ней и глубокомысленная Даша провалилась со всеми своими теориями о физическом и умственном труде, тому, наконец, что он так близко принимает к сердцу дела ее бригады. Ей вдруг особенно сильно захотелось победить Полозова, чтобы Михаил по праву гордился ею. На миг она даже усомнилась, правильно ли сделала, не согласившись на предложение Илюши Мурманца.

Застрекотал аппарат. Дымный пучок световых нитей протянулся над притихшим залом. На экране задвигались люди в старинных морских мундирах. Нюра внимательно смотрела на моряков, а сама думала, как было бы расчудесно, если бы Филин сумел где-нибудь раздобыть новую, мягкую проволоку для завтрашней решающей смены.

А к Михаилу бесцеремонно прильнуло чье-то сухое крепкое плечо и стало решительно подталкивать его к Нюре. Сильно запахло махоркой и овчиной, в полутьме мелькнул настороженный клинышек бороды, и Михаил узнал ночного сторожа Тарасыча — великого любителя кино.

Тарасыч так непосредственно реагировал на все происходящее на экране, что рядом с ним даже небезопасно было сидеть. Когда над полюбившимися ему героями картины нависала опасность, Тарасыч тяжело сопел и весь собирался в комок, готовый каждую секунду кинуться на подмогу. Зато успехи героев повергали ночного сторожа в буйную радость: он размахивал руками, подпрыгивал на месте и все норовил разъяснить соседям самое главное, чего никто, по его мнению, так хорошо не понял, как он.

В разгар Синопского боя Тарасыч поднялся во весь рост, и тень его грозным облаком пала на турецкого адмирала. Сзади дружно зашикали, чья-то длинная рука схватила сторожа за куртку. Тарасыч мужественно отбивался, так что на экране выходило, будто он схватился с адмиралом. В конце концов старика усадили, и турецкий адмирал опять предстал перед зрителями. Но за время единоборства с тенью Тарасыча самоуверенности в нем заметно поубавилось. Туркам на экране приходилось туго, и Тарасыч запрыгал на скамейке, торжествуя полную победу над нахальным адмиралом.

Лента часто рвалась, но зрители не роптали: киномеханик еще перед началом сеанса предупреждал, что будет рваться,— у кого слабые нервы — пусть лучше загодя уходит. Один из перерывов был особенно долгий — зажгли свет. Нюра обернулась, чтобы проверить, как себя чувствует практикантка. Как она и ожидала, студентка во все глаза глядела на них. «Смотри, смотри,— покровительственно разрешила Нюра,— делать тебе больше нечего!»

На экране опять замелькали тени людей, живших много лет назад; опять рядом с Михаилом тяжело задышал увлекающийся Тарасыч. Адмирал Нахимов приложил к глазу старинную подзорную трубу и навел ее на зал. Труба обежала все ряды, нашла Нюру и застыла на месте. Нахимов так пристально разглядывал молодую бригадиршу, точно хотел убедиться, на самом ли деле не жалеет Нюра, что отказалась спрятать новую проволоку или только хорохорится и делает вид, будто она такая сознательная. Нюра стойко выдержала долгий взгляд адмирала и с удовлетворением отметила: когда Нахимов отвел трубу в сторону, то по выражению его лица ясно было, что он остался ею доволен. У Нюры было такое чувство, словно от пытливого взгляда адмирала не скрылось ее беспокойство за судьбу соревнования, но в общем он понял: бригадирша ничуть не раскаивается, что отдала проволоку Полозову, и твердо стоит за трудовую гордость в работе...

Вечерний рассеянный свет незакатного солнца ударил в глаза, когда они вышли после сеанса из клуба. Жмурясь, Нюра поспешно подошла к берегу, глянула на станки. Двигатели стучали ровно, над выхлопными трубами, поднимаясь ввысь и раздаваясь вширь, правильными опрокинутыми конусами реяли кольца отработанного газа. Сплоченные пучки бревен проходили через контрольную раму дружно и с той хорошо знакомой Нюре, как бы одухотворенной старательностью, которая бывает, когда работа спорится и бодрый темп ее давно уже не нарушается никакими неполадками.

— Хорошо, черти, работают!..— со сложным чувством невольного одобрения и крепнущей тревоги за исход соревнования сказала Нюра.

С решительным видом к ним подошла практикантка.

— Извините меня, пожалуйста,— попросила

она Нюру и обратилась к Михаилу: — Миша, у меня к вам просьба. Я сегодня уезжаю одиннадцатичасовым пароходом, не могли бы вы отнести мой чемодан на пристань?

— Чемодан не тяжелый? — шутливо осведомился Михаил и тайком от практикантки взглядом спросил Нюру, идти ему или нет.

На миг Нюра заподозрила, что не в одном чемодане тут дело и на прощанье практикантка потребует от Михаила, чтобы он писал ей в Ленинград письма до востребования. Нюра еще никогда в жизни не получала писем до востребования, и в ее представлении с этими письмами было связано понятие чего-то тайного и нечестного. Но она сейчас же отогнала от себя эту мысль, как совершенно неосновательную. Нюра была рада, что практикантка уезжает, а все ее внимание к Михаилу объясняется только желанием найти в нем носильщика для своего чемодана. Ей захотелось вдруг быть доброй и немелочной, и она утвердительно наклонила голову, разрешая Михаилу отлучиться на пристань. В порыве великодушия она даже простила практикантке ее манеру читать книги в накомарнике.

— Оставь свою сумку, она тебе мешать будет,— посоветовала Нюра Михаилу.

— Правильно: залог, чтобы не сбежал! — одобрил тот.

Нюра снисходительно усмехнулась. Она давно уже заметила, что Михаил бывал с ней очень смелым и бойким, когда рядом находился кто-нибудь третий. Но смелость эта бесследно исчезала, как только они оставались вдвоем.

5

Поджидать Михаила Нюра решила за поселком, на крутом берегу, у разлапистой ели, где в последние дни они часто сиживали с ним по вечерам. Подходя к дереву, Нюра еще издали увидела, что под елкой уже обосновалась какая-то парочка.

— Любят все, а вот дружба настоящая редко у кого получается!..— наставительно говорил молодой ломкий голос.

Голос показался Нюре знакомым. Она на цыпочках подкралась поближе, чтобы не вспугнуть оратора, и узнала в говорившем обвязчика Пашу Туркина, а в его спутнице — маленькую девчурку с длинной фамилией.

— Цыплята, спать! — непреклонно сказала Нюра, возмущенная тем, что эта юная парочка посмела занять их место.— Завтра на работе зевать не позволю!

Девчурка безропотно подчинилась, а Паша, хвастаясь перед ней своей храбростью, заявил, что власть бригадира не распространяется на времяпровождение взрослых и вполне самостоятельных членов бригады. Тогда Нюра пустила в ход самый сильный козырь — пообещала довести до сведения строгого Филина пашины тезисы о любви и дружбе, и всю ершистую храбрость с обвязчика как рукой сняло.

Выпроводив «цыплят», Нюра уселась у подножия дерева, спиной прислонилась к нагретому шершавому стволу елки, а ноги свесила с обрыва. Запани отсюда видно не было, но шум работающих сплоточных станков далеко разносился по воде, и Нюра по этому четкому, слаженному шуму безошибочно определила, что дела у Полозова идут хорошо и выработка неуклонно растет.

Над рекой носились быстрые, ловкие стрижи. Звонко стуча плицами, близко от берега прошел пассажирский пароход. В салоне на носу парохода танцевали под баян, а на верхней палубе у борта одиноко стояла девушка в белом платье и смотрела в воду. Нюра по привычке все объяснять по-своему сейчас же решила, что грустная девушка поссорилась с другом-баянистом и тот нарочно играет теперь так весело, чтобы позлить ее. Когда пароход поровнялся с елкой, девушка в белом платье вскинула голову и испытующе посмотрела на Нюру, словно хотела узнать, почему та сидит в одиночестве на крутом берегу — уж не поссорилась ли и она с Михаилом? Нюра энергично заболтала опущенными с обрыва ногами, спеша разуверить девушку в ее предположении: она совсем не несчастная, и ей очень даже удобно поджидать здесь, под елкой, Михаила. Девушка тотчас поняла, что Нюра ей не пара, и разочарованно отвернулась.

Пароход скрылся за поворотом реки и сразу же загудел, пришвартовываясь к пристани. Не успел затихнуть раскатистый гудок, как Нюра увидела Михаила: широко размахивая руками, он спешил к ней, не разбирая дороги, напрямик. «Отнес чемодан — и назад,— одобрительно подумала Нюра.— Не стал дожидаться, пока практикантка отчалит, чтобы помахать ей платочком!»

Нюра повернулась к Михаилу спиной и постаралась придать лицу бесстрастное выражение — такое, какое, по ее мнению, должно быть у девушки, которой ни капельки не скучно сидеть одной на берегу. Чтобы сохранить это выражение на лице, она принялась считать стремительных стрижей, чутко прислушиваясь к звуку приближающихся шагов за спиной. На девятом стриже ей вдруг показалось стыдным хитрить перед Михаилом и прятать свое чувство. Она проворно вскочила и с веселой решимостью шагнула ему навстречу.

Михаил, заметно робея, подошел к ней, молча взял ее руку. От недавней бойкости его не осталось и следа. Он бережно провел пальцем по бугоркам мозолей, трудно откашлялся.

— Извини меня за вчерашнее...

Нюра не сразу поняла, о чем он говорит. Она сердится на него за вчерашний несостоявшийся поцелуй в коридоре общежития? И ничего-то он не понимал, несмотря на диплом техника и свой прославленный умственный труд!

Речной ветерок играл воротом его рубашки, обнажая белый треугольник кожи под загорелой шеей. Нюра, не отрываясь, смотрела на этот чистый треугольник и чувствовала себя очень счастливой. Неожиданно вспомнилась грустная девушка с парохода, и Нюра пожалела ее от всей души. Ей хотелось, чтобы все люди были счастливы так же, как и она. «Пусть девушка поскорей помирится со своим баянистом и больше никогда с ним не ссорится!» — сказала себе Нюра с тем позабытым после детских лет ощущением, что она центр мироздания и все будет обязательно так, как она сейчас захочет.

Ей было так хорошо, что она вдруг испугалась, как бы Михаил не сказал или не сделал чего-нибудь такого, после чего это чувство исчезнет.

— Пойдем домой,— мягко сказала она, чтобы не обидеть Михаила.— Уже поздно, а завтра у меня будет нелегкий день.

Взявшись за руки, они медленно шли вдоль берега и молчали. Нюра была благодарна Михаилу за то, что он без слов понимает ее.

Ближе к запани явственней стал слышен бессонный шум работы: выхлопы двигателей на станках, громкий всплеск кронштейнов, падающих на цепи в воду, возбужденный говор голосов. Они поровнялись с длинным такелажным сараем, закрывающим реку. Нюра первая вышла из-за стены сарая и сразу же отпрянула назад, потащила за собой Михаила.

— В чем дело? — опешил тот.

— Тс-с!..— остановила его Нюра.— Смотри и молчи.

Михаил осторожно выглянул из-за угла сарая. В двадцати шагах от себя он увидел полозовского такелажника Василия. Низенький и широкий, то, что называется «сам себя шире», он стоял в напряженной позе, вполоборота к ним и смотрел попеременно то в сторону поселка, то на станки. Дорога в поселок была пустынна и ничем не примечательна. Михаил перевел взгляд на станок и увидел на палубе понтона голову Полозова, повязанную знакомой косынкой в горошинку. Туловища бригадира видно не было, одна только его голова качалась из стороны в сторону, а рядом с ней в воздухе мелькали круги проволоки. Михаил вгляделся пристальней и понял, что Полозов стоит по шею в люке понтона и выгружает из трюма проволоку. Слышно было, как тяжелые круги один за другим мягко шлепались о доски палубы.

— Заговорила совесть!..— удовлетворенно прошептала Нюра.

Повязка сползала бригадиру на шею. Он поправил ее один раз, другой, рассердился и сорвал с головы. Выбросив последний круг проволоки из трюма, Полозов вылез на палубу, тщательно прикрыл за собой люк и поспешно сошел на берег.

— Никто не проходил? — хрипло спросил он у Василия.

— Все в порядке...— недовольно ответил такелажник.— Вам, конечно, лучше знать, а только не одобряю я этого, чтобы свою кровную проволоку так себе, не за здорово живешь уваровцам отдавать. Ведь мы со склада ничего не крали, а лишь остатки по-хозяйски приголубили...

Полозов что-то тихо возразил Василию, но Нюра с Михаилом ничего не расслышали.

— Так ведь никто же не будет знать! — не сдавался Василий.

— Мы сами будем знать. Чего тебе еще нужно? — сердито выпалил Полозов.— Новая проволока в трюме лежит, а товарищи мучаются со старой — это по-хозяйски?

— Кто ж виноват, что они растяпы, сами до этого не додумались. Не помогать же им!

— А почему бы и нет?..— Полозов достал из кармана косынку и старательно повязал опухшую щеку. Голос его стал глуше, будто он отошел шагов на десять.— Ведь и они сегодня тоже свободно могли бы... приголубить новую проволоку, да не стали этого делать. Зачем же мы будем хитрить? Чем мы хуже?

Василий смущенно переступил с ноги на ногу. Видимо, ему еще никогда не приходило в голову, что, пряча хорошую проволоку для своей бригады, он как бы заранее признает ее слабость и неспособность в равном труде победить уваровцев.

— Ничуть мы не хуже,— авторитетно заверил он бригадира.— А только обидно: они завтра на все готовенькое придут, проволочка к их услугам лежит на станке, им даже со склада возить ее не придется...

Полозов расхохотался.

— Вперед нам будет наука!.. А теперь станем-ка мы с тобой, дружище, на вязку пучков. Ибо не от одной проволоки, Вася-Василек, а также и от рук человеческих выработка зависит!

Бригадир дружески похлопал по плечу своего такелажника, еще раз огляделся вокруг, чтобы убедиться, что никто не видел, как выгружал он из трюма проволоку, и направился на станок. Гибкий трап низко провис под тяжестью его тела.

Нюре показалось вдруг очень интересным соревноваться с таким человеком, как Полозов. «Надо непременно поговорить с ним по душам,— решила она.— Он совсем не похож на сухаря, каким я его себе представляла!»

Прячась за стеной сарая, а потом за штабелями дров, Михаил с Нюрой вышли на дорогу в поселок уже далеко от берега.

— Никому не рассказывай о том, что видел,— попросила Нюра.— Полозову неприятно будет, если об этом станут болтать...

Посреди пустынной улицы неподвижно стоял сторож Тарасыч и смотрел поверх домов на белесое ночное небо, словно молился, чтобы ему ниспослали какого-нибудь, хоть плохонького слушателя, которому он смог бы поведать свои самые свежие соображения насчет последней кинокартины. При виде Михаила с Нюрой сторож было приободрился и даже сделал несколько торопливых шагов по направлению к парочке, но, разглядев их сплетенные руки и отрешенные лица, Тарасыч безнадежно вздохнул и понял, что молитва его не дошла до небес и ему до утра придется хранить свои новые мысли об адмирале Нахимове...

Проходя мимо строящегося дома, в котором начальник запани обещал ей дать комнату, Нюра убедилась, что плотники не сидели сложа руки и сруб за день поднялся еще на два венца. Нюра вспомнила, как испугался вчера Михаил, когда она пригласила его на свадьбу, и ей захотелось снова припугнуть его. Но, к своему великому удивлению, Нюра почувствовала, что способность подсмеиваться над Михаилом утрачена ею, неизвестно, вернется ли когда-нибудь, и, кажется, не так уж нужно, чтобы вернулась.

Все это было очень странно и непонятно. «Догулялась, тетеря!..» — обескураженно подумала Нюра и тут же, хватаясь за соломинку, обрадовалась, что переменилась она все-таки не во всем: жива еще в ней прежняя святая привычка критически относиться к себе и высмеивать свои слабости...

Они молча дошли до перекрестка и, не сговариваясь, повернули налево: так путь до общежития был длиннее.

Новые материалы о Некрасове

4 декабря исполняется 130 лет со дня рождения великого русского поэта Н. А. Некрасова.

Ученик Белинского, сподвижник Чернышевского и Добролюбова, Некрасов является одним из виднейших представителей революционно-демократической литературы.

Его поэмы и стихи, которые и при жизни поэта пользовались неслыханным для того времени успехом, и поныне остаются любимыми произведениями советских людей. Влияние Некрасова как поэта и как новатора поэтического языка на отечественную литературу огромно. Оно чувствуется и в творчестве многих советских поэтов, начиная с Маяковского.

Но не только стихом служил великий поэт родной литературе и русскому народу. Он был одним из руководителей революционно-демократических журналов — сначала «Современника», а затем «Отечественных записок»,— сильных своим бодрым, революционным направлением и чуждых безидейности и аполитизма. Некрасов нередко выступал и как критик.

Чрезвычайно интересно сопоставить мысли, развиваемые Некрасовым в двух публикуемых ниже рецензиях.

Обе эти рецензии были опубликованы без подписи автора в седьмом номере «Современника» за 1848 год. Авторство Некрасова недавно установлено литературоведом А. Гаркави, изучавшим неопубликованное цензурное дело «Об именах авторов и переводчиков статей», хранящееся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

Воюя против апологетов так называемого «чистого искусства», проповедовавших отрешение от общественной проблематики, Некрасов не мог в условиях царской цензуры последовательно и ясно изложить, какое огромное значение придает он развитию боевой, гражданской литературы, в частности поэзии.

Поэтому он предоставлял читателю самому догадываться, какими это «более существенными и более дельными, совершенно земными вопросами» начинает заниматься русская литература и против кого направлено «благородное негодование» Крылова.

1

«СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ» П. ВИТУСОВА. СПб. 1848.

Русская литература (и мы впрочем нисколько не сожалеем об этом) перестает объясняться НА ЯЗЫКЕ БОГОВ, а русская публика (к [нашему] величайшему удовольствию) перестает увлекаться мерными и пустозвонными фразами к ЛУНЕ, к ЗВЕЗДАМ, к ДЕВАМ,— и поэт, который в настоящую минуту вздумал бы объясняться с Девою (хотя бы и неземною) так:

Фосфор в бешеном слияньи
Взоры чудные твои,
И чистейшее дыханье
Веет МУСКУСОМ
ЛЮБВИ... [1]

— такой поэт был бы решительно всеми осмеян; но давно ли этот нечеловеческий язык приводил в восторг!

Всему свое время. Да, мы с каждым годом все более и более отвыкаем от языка богов и приучаемся к языку человеческому; мы уже не мечтаем о ЗАОБЛАЧНЫХ КЕЛЬЯХ, не порываемся dahin [2], а начинаем заниматься более существенными и более дельными, совершенно земными вопросами. Из этого однако же не следует, чтобы мы совсем изгоняли поэзию: сохрани нас боже от этой мысли! Мы только думаем, что поэзии нашего времени уже не прилично витать в беспредельных пространствах и заноситься за облака... Эта поэзия, чтобы мы могли вполне ей сочувствовать, должна оставаться с нами на земле и заговорить языком человеческим, понятным для всех, а не для одних избранных...

Но мы, кажется, вовсе некстати серьезно завели речь о поэзии по поводу книжечки г. Витусова...

Эта книжечка, вероятно, не более как шутка, изданная под вымышленным именем; кто же, в самом деле, не шутя станет в наше время издавать стихотворения, подобные следующим:

Подчас я раннею порой
Люблю кой-как стихи писать;
Подчас с ПЕЧАЛЬНОЙ
ГОЛОВОЙ
Люблю о НЕЗЕМНОМ
мечтать...
или:
Я здесь живу и НАХОЖУСЯ
В кругу семьи моей родной,
Но, может, скоро разлучуся,
ТОГДА УЖ БУДУ НЕ ТАКОЙ.
Тогда или переменюся,
Или уж БУДУ НЕ ЖИВОЙ,
Быть может, снова
возвращуся
И дом опять увижу свой...
и проч.

Но к чему такого рода шутки? Что же смешного в этих безграмотных стишках?.. И в литературе и в обществе шутка допускается только тогда, когда она забавна и остроумна...

А если это вовсе не шутка? А если г. Витусов точно существует, если это не псевдоним?

В таком случае, мы предоставляем самим читателям вывести заключение, к какому разряду стихотворцев принадлежит г. Витусов.

2

«БАСНИ» И. А. КРЫЛОВА, В 9 КНИГАХ. ТРЕТЬЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ. СПб. 1848.

Басни Крылова сделались народным чтением в России. С первого издания их (в 1808 году) до последнего, перед смертию Крылова, их разошлось в России 77.000 экземпляров... И вот теперь является уже третье издание после его смерти, в небольшом формате, с краткой биографией автора. Ни один автор на Руси не имел такого колоссального успеха, как Крылов. И немудрено: у Крылова чисто русский склад ума, и потому его стихи вошли в народные пословицы и поговорки... Мы всякий раз перечитываем некоторые из его басен с новым удовольствием... Сколько в них ума, сколько благородного негодования под личной невозмутимого спокойствия и простодушия.

Мы убеждены, что басни Крылова, которые в детстве мы все учили наизусть, весьма полезно иногда перечитывать и в зрелом возрасте...

[1] Неточная цитата из стихотворения В. Г. Бенедиктова «К черноокой».— Ред.

[2] Соответствует русскому «в прекрасное далеко». — Ред.

СЕЙСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «МОСКВА»

Недавно в Москве чувствительные сейсмографы зафиксировали едва уловимое смещение почвы. Это отголосок тектонического «происшествия», случившегося за тысячи километров от столицы, отголосок сильного землетрясения на острове Тайван.

Можно сказать, что землетрясения происходят в Москве... каждый день. Но их не замечают жители столицы. О них знают лишь люди, наблюдающие за аппаратами, хранящимися в глубоком подземелье.

...Совсем недалеко от центра города расположена сейсмическая станция «Москва». Узенькая, как корабельный трап, лестничка ведет в глубокий подвал. Бесшумно открывается толстая дверь. Вспыхивает яркая лампочка. Термометры и барометры здесь строго следят за постоянством температуры и давления. На полу стоят сосуды с хлористым кальцием: он отнимает из воздуха лишнюю влагу. На бетонных фундаментах приборы, плотно прикрытые стеклянными колпаками. Это сейсмографы системы выдающегося русского ученого, основоположника сейсмологии, академика Б. Б. Голицына. В основе сейсмографа горизонтальный маятник, легко отзывающийся на подземные толчки. На продолжении стержня маятника целлулоидная коробочка с витками проволоки. Она помещена между полюсами сильных магнитов. При малейшем движении маятника в витках проволоки возникают токи. Они в миллион раз меньше, чем, например, токи в лампочке электрического фонарика, но и этого достаточно, чтобы вывести из покоя зеркальце гальванометра.

Сейсмографы Голицына записывают достаточно интенсивные землетрясения, дошедшие из любой, сколь угодно отдаленной точки земного шара, но слабо реагируют на землетрясения близкие. Несколько лет назад советский ученый Д. П. Кирнос создал новые сейсмографы, отмечающие землетрясения как очень далекие, так и близкие.

На станции установлены три сейсмографа. Два из них записывают горизонтальные смещения почвы в направлении север — юг и восток — запад, а третий записывает только вертикальные колебания.

В отдельном помещении, едва освещенном красной лампочкой, находятся записывающие аппараты. Здесь день и ночь вращаются барабаны с фотолентой. Тонкий лучик света, отраженный от зеркальца гальванометра, оставляет на ленте волнистый след. Эта дрожащая, зазубренная линия говорит о том, что земная кора никогда не остается в покое; то тут, то там происходят в ней горизонтальные и вертикальные смещения, вызываемые не только землетрясениями, но и другими причинами — ветром, переменой давления и т. д.

Насколько велики эти смещения? От миллионных долей миллиметра до сантиметров. Много это или мало? Достаточно сказать, что при быстрых смещениях почвы в один миллиметр картины падают со стен, книги с полок, посуда разбивается, дома, даже солидной постройки, дают трещины. При более интенсивных смещениях возникают катастрофы. Так, 6 октября 1948 года в течение десяти секунд землетрясением был сильно разрушен Ашхабад.

На сейсмограмме смещение записывается в увеличенном виде: в полторы — две тысячи раз. Недавно советские ученые сконструировали еще более чувствительные аппараты.

Младший научный сотрудник Н. В. Шебалин опускается в подвал станции, где установлены сейсмографы.

Фото Я. Рюмкина

Заведующий сейсмической станцией «Москва» доктор физико-математических наук Евгений Федорович Саваренский за обработкой сейсмограммы.

Ощущаются ли землетрясения в Москве?

«А тое же осени, октября в 1 день, в кой день опущен княз великий с Курмыша, в 6 часов нощи потрясеся город Москва, Кремль, посад весь и храм поколебашеся, мнози людие не спяще и слышавши то, во многи скорби быша и живота отчаявшеся». Такая запись содержится в «Патриаршей или Никоновской летописи» для 1445 года.

Очень сильные землетрясения, доходившие в виде слабых толчков (4—5 баллов) и до Москвы, отмечались в нашем столетии уже четырежды. В последний раз в 1940 году (3—4 балла).

Интересно отметить, что все они — отголоски землетрясений, происшедших в Карпатах.

На сейсмической станции «Москва» имеется специальный сигнализатор сильных землетрясений. Это обычный электрический звонок. Он включается с помощью фотоэлемента, когда смещения почвы достигают несколько десятых долей миллиметра. Последний раз он звонил 21 и 22 октября этого года, отмечая сильные землетрясения на острове Тайван.

За девять месяцев 1951 года зарегистрировано более 240 сильных землетрясений, происшедших на земном шаре; в прошлом году их было 378. Самое сильное произошло 15 августа 1950 года. В этот день дежурным на станции «Москва» был младший научный сотрудник Н. В. Шебалин. Вот что он рассказывает:

— Мое дежурство уже подходило к концу, и я собирался идти домой. Вдруг раздался сильный и какой-то особенно настойчивый звонок. Я тотчас побежал к прибору. На глаз было заметно движение маятника.

С волнением наблюдал Шебалин за этими движениями, которые таким понятным языком говорили: где-то за тысячи километров от Москвы в этот самый момент происходит страшная катастрофа. Двенадцать баллов!

Текли секунды, а звонок все продолжал тревожно звонить. Наконец он умолк. Дежурный бросился к записывающим аппаратам: скорее проявить ленту! Вот наконец перед ним запись. Какой необычайной силы скачки делает кривая! Таблицы и номограммы помогли определить очаг землетрясения: он находился в Индии, за пять с половиной тысяч километров от Москвы. А вскоре радио принесло весть о страшном бедствии, разразившемся в этой стране.

Обычно сейсмографы стараются сделать нечувствительными к толчкам нетектонического, индустриального происхождения. Если бы это было не так, сейсмографы станции «Москва» запечатлели бы чрезвычайно сложную картину. Сейсмограмма рассказала бы нам о бурном строительстве Москвы.

Можно ли предсказать землетрясение? Предвидеть время, когда произойдет землетрясение, пока еще нельзя. Но указать, в каком месте оно свершится и какой силы будет это землетрясение, можно. На основе данных десятков сейсмических станций нашей страны составлена карта сейсмического районирования СССР. Она имеет огромное народнохозяйственное значение. Она нацеливает строителей на районы, где нужно осуществить разработанные нашими учеными антисейсмические мероприятия, обеспечивающие надежность сооружений.

В. ПРИВАЛОВ

ДОЧЬ ДЕЛЕГАТКИ

Рассказ

Анна ЗЕГЕРС

Рисунки В. Высоцкого

Когда Фельке сказали, что она избрана в состав делегации, отправляющейся в Москву на съезд профсоюзов, сердце ее радостно забилось.

Поездка в Советский Союз не была для нее неожиданной. Но бывают радости, которые волнуют даже тогда, когда их ждешь: вдруг становится ясным то, что человек хоть и представлял себе, но смутно.

Партия была запрещена, ее собрания проходили тайно. Текстильщиков города Л. не удивило, что выбрали именно ее, Фельку. Старый Бронский был тяжело болен. Во время прошлогодней забастовки нагрянула полиция, арестовала А. Вот когда Фелька показала, на что она способна! С тех пор товарищи признали ее выдержанным, надежным человеком. Никто не мог предположить, что эта скромная, скупая на слова женщина (бывало, не разберешь, понимает ли она, о чем говорят и что читают) так смело и мужественно заменит опытного товарища, возьмет на себя руководство забастовкой. Уж во всяком случае на это не рассчитывала полиция.

Несмотря на аресты, Фелька осталась цела и невредима. Забастовка ширилась, в ней участвовало десять тысяч ткачей.

О решении партии Фелька узнала от товарища Н. Он сказал ей:

— Думаю, что съезд продлится дней пять. Значит, через неделю будешь дома.

Фелька молчала: ответственность задания внезапно испугала ее.

Выезд из Польши Пилсудского в Советский Союз был запрещен, дорогу держали под наблюдением шпики; вот почему приходилось ехать кружным путем, через Германию.

— Чтобы никто здесь не знал и не подозревал,— добавил Н.,— скажи своим соседям, что едешь в деревню к родным. У тебя есть ребенок, да? Его возьмут на это время Завадские.

Испуг, вначале охвативший Фельку, постепенно рассеялся. В прошлом году, когда многих товарищей внезапно арестовали, Фелька отвечала за все: за ход забастовки, за текст подпольных листовок. Еще за неделю до забастовки она не поверила бы, что справится с таким делом. Но все прошло удачно. Почему бы и этой поездке не быть удачной?

По дороге домой Фелька решила забежать к Завадским.

Юзе, дочери Фельки, было одиннадцать лет; тихая, молчаливая девочка с худым и бледным лицом, с черными глазами, затененными густыми ресницами. «Вся в мать»,— говорили соседи. Фелька знала, как вспыхивают огоньки в глазах девочки в минуту радости, как лукаво они поблескивают, когда девочка шалит. Юзя унаследовала эту черту от отца. Станек умер несколько лет назад. Как они любили друг друга! Благодаря ему Фелька поняла, что значит партия. Все, что этот человек ей завещал, Фелька берегла и хранила: его мысли, его ребенка.

Если Фелька, всегда поступавшая так, как посоветовал бы ей Станек, могла бы в чем-либо упрекнуть себя как конспиратора, то разве только в привычке почти все рассказывать дочери. Знай об этом фелькины товарищи, они рассердились бы. Но как им объяснить, что то, о чем узнавала Юзя, было заперто за семью замками?! Фелька сказала дочери о предстоящей поездке. Глаза Юзи заблестели от радости, когда она узнала, что мать пошлют в Москву. Но Фелька добавила:

— Это еще не наверно. Есть и другие, лучшие.

...Фелька выскочила из трамвая, перебежала через двор, поднялась по лестнице к Завадским. Однако ей не пришлось просить этих людей взять ребенка на время ее отсутствия. Уже на лестнице она прочла: «Здесь больны дети. Показалась сыпь. Подозрение на скарлатину».

Следующим трамваем Фелька поехала в отдаленный район города. Там жили Липские. Он работал на пошивочной фабрике, жена была надомницей. Старые друзья, товарищи по партии. Они любили детей и к Юзе относились, как к внучке.

Старуха Липская никогда не расставалась с домом, как нитка с иголкой. Но сегодня, именно сегодня квартира была на замке!

— Да, да, Фелька, разве ты не знаешь, что случилось? В дом нагрянула полиция. Какой разгром они устроили в квартире бедной Липской! И его и ее забрали. Старых людей!.. Их чуть не сбросили с лестницы. Втолкнули в машину и умчались.

Фелька была так ошеломлена, что только на обратном пути домой поняла, что все это означает для нее.

Девочка лежала в кровати с открытыми глазами. Она знала, что решение о поездке матери должно состояться сегодня.

— Меня посылают в Москву,— сказала Фелька.

Юзя засмеялась и едва сдержала крик радости: можно привлечь внимание соседей. За сказанным было еще что-то, чего она не могла угадать ни по лицу, ни по голосу матери. Юзя подождала, пока мать ляжет рядом с ней.

В кровати, отделенной перегородкой от остальной части комнаты, Фелька обычно рассказывала дочери все, что знала о борьбе партии, об Октябрьской революции — обо всем, чем жило ее сердце. Здесь их никто не подслушает. Здесь Фелька спокойна. Рассказывая, она многое уясняла себе самой. Ей еще казалось, что прижимавшаяся к ней Юзя поймет и то, чего она днем, сидя у стола, ни за что не поняла бы.

— Что ж нам теперь делать? — спросила Фелька.— Ни к Липским, ни к Завадским тебя послать нельзя. К Новакам на нашей улице тоже. К Янеку и подавно. О моей поездке никто не должен знать. Соседям я уже сказала, что мы едем в деревню к родным. Времени осталось в обрез. Поезд уходит завтра утром. Куда мне тебя пристроить, ума не приложу!

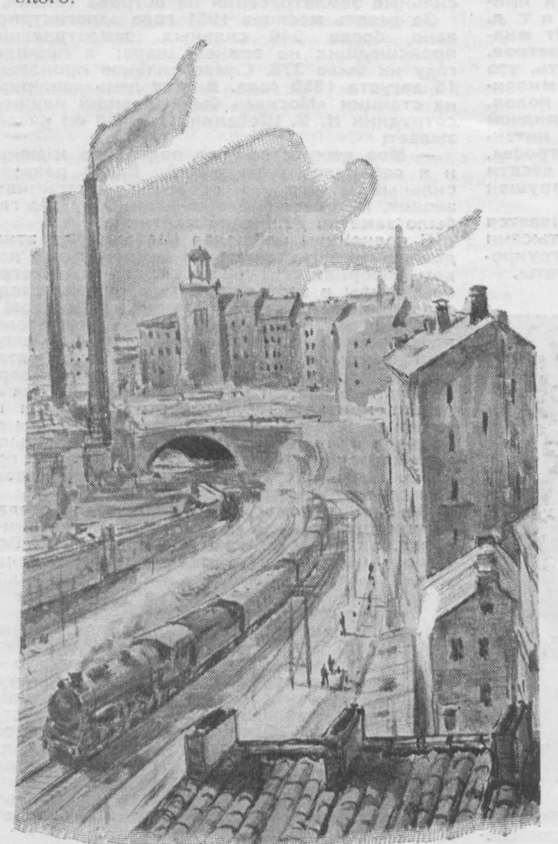
Они молчали, прижавшись друг к другу. Юзя сказала:

— Проще всего, если я останусь здесь в комнате.

— Как это сделать? — ответила Фелька.— Комната должна выглядеть пустой, запертой.

— Она и будет заперта, как пустая. В доме никто не узнает — ведь могла же я уехать и до тебя. Ты купишь мне завтра продукты. Скажешь всем, что это на дорогу. Никто не обратит внимания, на сколько дней варится суп.

Рассказ Анны Зегерс «Дочь делегатки» опубликован в сборнике «Дети», который писательница посвятила Берлинскому фестивалю молодежи. Этот рассказ отображает жизнь революционного подполья в Польше времен Пилсудского.

Сперва Фелька возражала: уж слишком необычным казалось это предложение. Однако ничего невозможного в нем не было. Другого выхода нет. Отказаться от поездки немыслимо. Ей, Фельке, было оказано доверие лучшими людьми, на нее возлагали надежды. Фелька молчала. Тогда снова заговорила Юзя:

— Неважно, если хлеб зачерствеет. По хлебу я буду знать, скоро ли ты вернешься. Может, привезешь мне что-нибудь... А яблоки и луковицы мы положим в ящик.

Они все обдумали, обо всем переговорили до рассвета. Право же, для сохранения тайны эта комната самая подходящая. Между шкафом и окном стоял ящик. Девочка могла на нем играть, делать уроки, тут же согреть суп. Занавески на окне можно задернуть. Жильцы дома, что наискось, через свои окна могли видеть в комнате Фельки только часть печки и половину стола. Окна дома напротив отгорожены высокой, глухой стеной обувного склада. Над боковой стеной двора вздымались фабричные трубы, за ними высилось много других труб. И за всеми этими зданиями убегала вдаль насыпь полотна железной дороги.

— По этой дороге,— сказала мать,— я еще раз проеду мимо тебя, когда загудит заводская сирена на обеденный перерыв.

В спешке Фелька все же не забыла испечь пирог для дочери, как она это делала к воскресенью.

Юзя слышала, как мать запирала снаружи дверь. Потом Фелька осторожно повернула ключ обратно, чтобы девочка ночью, когда все уснут, могла выскользнуть из комнаты. Вначале Юзя была спокойна, будто эту поездку совершает она сама. Она слышала, как мать перекинулась несколькими словами с соседями из большого дома. А потом весь мир замолк. И только болтовня на лестнице не умолкала, как дождевые капли, от которых тоскливый день становится еще скучнее.

«Сейчас мама едет к вокзалу,— думала Юзя.— Когда поезд пройдет по железнодорожному полотну, я откушу кусочек пирога». Потом она возьмется за книжки, газеты, достанет ножницы и будет вырезывать картинки.

Вдруг во дворе раздался крик. Опять эта Голомб, дьявол, а не баба. Все жильцы ее боялись. В каждом она подмечала самое дурное, находя в этом особое удовольствие. Каждая искорка радости в людях приводила ее в ярость. Ее раздражало малейшее выражение надежды на работу, на выздоровление. Стоило появиться влюбленной парочке, Голомб была тут как тут. Когда кто-нибудь не возвращался ночью домой или к людям приходили гости, ее злоба не знала удержу. «Вот бы она пронюхала, что я сижу дома...» — думала Юзя.

Загудели фабричные сирены. Через просвет между занавесками и окном Юзе видна была железная дорога, а Фелька из окна вагона увидела желтый флажок занавески. И когда занавеска качнулась, Юзе показалось, будто ласковый ветер погладил ее по волосам. Раздался свисток — да, это поезд; промчался, и нет его.

Грустно стало на душе у Юзи, будто она только сейчас пережила разлуку с матерью. Правда, прошлой ночью она сама захотела остаться одна. Лежа рядом с матерью, Юзя понимала, что поездка необходима. То, о чем мать узнает, должно изменить жизнь людей. Сейчас девочка тихо плакала и думала: если надо изменить жизнь, то почему это должны делать именно они двое — Юзя и ее мать?

Во дворе было шумно и весело. Дети возвратились из школы, они играли в новую, «самую любимую» игру: прыгали по квадратам, расчерченным мелом.

Вдруг какой-то мальчик крикнул под ее окном:

— Ю-зя!

Это был товарищ ее детских игр, Янек. Его удивило, почему Юзя так внезапно уехала, не сказав ему ни слова.

Поездку надо было скрыть даже от Янека, хотя он был смелый и надежный мальчик. Отец его сидел в тюрьме, мать дружила с Фелькой. Янек был ловок, но мал ростом. Однажды он с пачкой прокламаций проник через подвал на фабрику. Ворота фабрики строго охранялись. Невозможно было себе представить, чтобы Янек сказал: «Почему именно я должен лезть в подвал?»

«Какое счастье, что Янек не слышал, о чем я только что думала». Она прислушалась к его голосу во дворе. Янек всегда целиком отдавался и делу и игре. А какой он был горячий, неугомонный — как маленькая лошадка!

Иногда мяч залетал так высоко, что слышно было, как он, падая, ударялся о землю. А ее мать все еще не доехала до границы. У Юзи сводило ноги, так ей хотелось принять участие в игре. Как она выдержит столько времени? Но ведь здесь, в их городе, есть и другие люди, которых заперли, а кое-кого на долгие годы. Вот старики Липские — их, наверное, заперли. Юзино заключение не сравнишь с их тюрьмой. Она сидела взаперти добровольно, мать испекла ей пирог; кончится поездка Фельки, кончится заключение Юзи.

Как пуста будет кровать сегодня ночью!

Дверь даже не скрипнула, так тихо Юзя выскользнула ночью из комнаты и незаметно вернулась назад. Именно так она себе и представляла.

Дом спал. Вечорек пришел из кабачка домой. На этот раз он не скандалил.

Утром Юзя снова забралась в свое гнездышко между шкафом и окном.

Сбегая с лестницы, Янек стукнул ей в дверь, хоть и знал, что Юзи нет и она не пойдет с ним в школу.

А мать подъезжала уже к Берлину. Дом, в котором работала партия, назывался Карл Либкнехт-хауз. Эти люди, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, срослись в сердце Юзи. Это они на берлинской площади обращались к людям с горячими словами. А потом их поймали и убили. Роза Люксембург приехала в Берлин из Польши. Она жила в таком же доме, как Юзя, видела перед собой такие же дворы. Сейчас она лежит в могиле, в Берлине. Хорошо, что мать поехала кружным путем, через этот город, пусть из-за этого ожидание

даже немного затянется. Наверное, у Фельки сейчас такие же мысли, как и у Юзи. Девочка решилась разогреть суп: все равно по всему дому пахнет капустой.

...В Берлине Фелька пересела на поезд, шедший в Москву. Она еще раз проехала через Польшу, мимо Юзи. В этот час девочка съежилась, словно малейшее движение или звук могли выдать ее мать шпикам.

В окнах тем временем погас свет. Лишь три — четыре окна остались освещенными. «Почему? — думала Юзя.— Может быть, там заболели, или родился ребенок, или кто-то собирается читать?»

Какая же это книга, от которой человек не может оторваться и не спит по ночам, как не спит и она, Юзя, думая о матери, проезжающей теперь через Польшу?

А вон там фонарь полосой света делит надвое двор, и обе половины пусты. Где-то мигает лампочка вахтера. Сам он маленький, а тень огромная. Редкие звезды усеяли квадрат неба, они успокаивают мятущееся сердце, в них больше силы, чем в фонарях.

Юзя проснулась от стука в дверь. Стучал Янек. Старая Голомб визжала:

— Они уехали, дурачок, разве ты не знаешь?

— Знаю,— ответил Янек,— но только я привык стучать к ним в дверь.

Голомб залилась своим скрипучим смехом:

— Теперь тебе придется отвыкать, да побыстрее! Ты что воображаешь? Теперь у нее другой Янек. Она о тебе больше и не думает. Она и сейчас на голову выше тебя. Вот и найдет себе парня по росту, ей такой сморчок, как ты, не нужен.

«Нет, ему я могла сказать,— думала Юзя,— ему можно довериться. Он просунул бы мне в дверь записочку или конфетку с малиновой начинкой.— Юзя испугалась.— Конечно, Янек знает, что Голомб противная женщина, а все-таки она смутит его».

Утро выдалось солнечное. Квадраты неба между крышами походили на голубые дворы. Казалось, трубы свисают с неба. Прошлой осенью во время загородной поездки Юзя видела настоящее небо, не зарешеченное трубами, не закопченное. Облака неслись, похожие то на птичьи стаи, то на огромную демонстрацию, а то на цепи гор. В будущем дети получат столько неба и леса, сколько захотят. Как хорошо пахло в лесу! Какие нежные незнакомые звуки звенели в воздухе! Каждое дерево, словно песня. Цветы смотрели на нее синими и золотыми глазами. «Мы еще поедем с тобой в лес, вдвоем»,— обещала ей тогда Фелька. А теперь мать уехала. Скоро она приблизится к польско-советской границе. Однажды здесь, в комнате, кто-то рассказывал о такой поездке. На границе пересаживаются в другой поезд, новый состав въезжает на советскую землю под большую арку, на которой написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вот когда начинается настоящая дорога, настоящий счет дням в ожидании матери!

Машинист, который довез мать Юзи до границы, поведет свой поезд назад, в Польшу. Свисток паровоза на насыпи будет означать: «Я тут опять! Я тут опять! Я тут, я тут...»

Кроме ткачей, пославших Фельку на съезд, рабочие других заводов тоже отправили своих представителей в страну, где ни один завод, ни одна фабрика не являются частной собственностью. Красное знамя с серпом и молотом, то самое знамя, которое здесь приходилось прятать от полиции, развевается там высоко в воздухе. В прошлом году во время демонстрации рабочие города Л. развернули красное знамя. Полиция начала стрелять. Люди, несшие знамя, упали. Следующие ряды подхватили его, — такое же знамя, как то, что шелестит сейчас над Фелькой, словно дерево, убранное листвой. А когда и следующие ряды упали, знамя подхватили новые люди, несмотря на стрельбу.

С того времени отец Янека сидел в тюрьме. Янек с гордостью говорил: «Отец тоже нес знамя какую-то часть пути!»

Когда свои люди беседовали о стране, по которой сейчас ехала Фелька, каждое лицо — Юзя это особенно любила — озарялось каким-то светом. Но были и другие люди, противные, как Голомб; их лица неприязненно морщились.

Ах, если б она могла поехать вместе с матерью! И другие дети — маленькие китайчата, негры, индусы, — они тоже сейчас ждут, как и она, в комнатах, в трущобах, на лодках.

Если говорить по-серьезному, то ее одиночество — не настоящее одиночество.

Юзя устала от всех этих мыслей, будто сама совершала такую поездку. Иногда она засыпала на ящике, а иногда часами лежала без сна в постели. Она высчитывала, когда вернется мать — в лучшем и в худшем случаях. Она надеялась (в глубине души, в самых ее тайниках), что мать вернется на два дня раньше, чем они условились.

Ночью Юзя снова выскользнула из комнаты; кошка Голомб пронеслась по коридору, сверкнула глазами в ее сторону, напугала ее.

Юзя так устала, что в ее голове умные и глупые мысли смешались, обгоняя друг друга.

Какой человек может сказать, что думает только о серьезном? И великий человек думает о яблоке, об орехах, о дожде и о солнце, о башмаках для ребят. Кто может сказать, что никогда не думает о серьезном? Самый дурной человек, и тот иной раз думает о прожитой жизни и особенно о смерти.

Юзя думала о своей матери, о съезде, на который ее послали, о грибе, что живет в лесу на поляне. Еще она думала о Янеке, о его стриженной бобриком голове. Как бесстрашно он пробрался на фабрику с пачкой листовок! А привезет ли мама ей что-нибудь из Москвы?..

Вдруг она задрожала от испуга. Старая Голомб постучала к ней в дверь, чтобы подразнить Янека:

— Юзя, ты? Впусти меня! Я ведь знаю, ты дома. Ну, впусти же меня наконец!

Девочка не сразу поняла, кто это так противно визжит, и начала дрожать, как листочек березы.

Временами Юзе казалось, будто она, сидя на своем ящике, куда-то едет или летит. Она изрезала столько газет, что клочки бумаги лежали вокруг нее, словно хлопья снега.

По ночам дом был словно из стекла. Юзя слышала, как дерется пьяный отец Виктора; как Маня, такая веселая на людях, часто плачет, оставшись одна; как Гутек бегает взад и вперед, то впуская, то выпуская какую-то девушку. Ее смех, мелодичный, как дождевая капель, чуть звенит в коридоре. «Только бы эта противная Голомб не высунула свой нос»,— думала Юзя.

Продукты все убывали. Еды осталось на один — два дня. Юзя начала экономить; впрочем, голод ее не очень мучил: она устала.

Лежа на кровати, девочка думала: «Я не хочу, чтобы мама застала меня спящей». Она вздрагивала при каждом свистке паровоза и начинала ждать, а так как свистки следовали один за другим через короткие промежутки, то Юзя лежала в полудреме. Ее сердце колотилось, когда она слышала ночью шаги на лестнице, она знала: это чужие шаги. Когда наступил последний, как ей казалось, день, весь мир потускнел в ее глазах, даже узкий просвет между занавеской и оконной рамой. Кружилась голова, и ей становилось дурно между двумя поездами: поездом надежды и поездом разочарования.

В тот вечер, когда должна была вернуться мать, Юзя чувствовала себя очень слабой и разбитой. Правда, она не переставала ждать, но силы, необходимые для надежды, уже иссякали. Луна казалась ей холодной и неприветливой. Юзя перешла с ящика за перегородку и легла плашмя на кровать. Немой дом словно смеялся над тем, что она пытается уловить каждый звук. Даже Вечорек пришел домой трезвым, даже младенец Брони не пискнул.

Свисток паровоза причинял ей теперь боль. Поезд ездил по белому свету и привозил чужих матерей их детям. Что ей делать, если мать не вернется? Ведь бывает так, что дело, в котором ты уверен, срывается. Есть много злых людей — о них не раз говорилось в этой комнате,— и о них Юзя позабыла за играми и учением. Но в эту ночь вспомнила. Она даже знала их имена и лица. На фабрике, в мелочной лавке, в доме,— например, та же Голомб. Конечно, это она выдала отца Янека, рассказала, кто к ним ходил. Или заготовщик, который обращался с рабочими так, как ему приказывал хозяин. Или лавочница Якубчик, которая в дни забастовки не отпускала продуктов в долг: «Скажи там, у себя дома: мне тоже никто не дает даром; надо думать, что делаете».

Есть на свете полиция, войска. А над ними разные важные господа... Их изредка видишь за окнами автомобилей. Мать уехала в страну, где у таких людей нет больше власти. Эти люди, конечно, были против поездки ее матери, а теперь они мешают ее возвращению.

Юзя подумала о людях, на которых Фелька иногда зря полагалась. Юзя вспомнила слова матери: «Вот уж никогда не поверила бы, что он способен»; или: «Не думала, что он оставит нас в беде». Может быть, мать встретилась как раз с таким человеком, который оставил ее в беде?..

Юзя почувствовала себя совсем одинокой. С нею только остатки продуктов, и все. Открыть дверь, закричать о помощи? Если она выдаст тайну, то выдаст всех. Что скажет Янек? «От Юзи я этого не ожидал». А если мать все-таки вернется? Каким ужасным будет ее разочарование! И матери могло не повезти. Совсем недавно она говорила: «Что поделаешь? Я приложила все усилия, но мне не повезло». Эти слова, словно насекомые, выползали ночью из всех щелей.

Вдруг раздался свисток паровоза. Бывает, думала Юзя, что поезд иной раз сходит с рельс. Но это никого не останавливает, люди ездят и ожидают. С тех пор, как она тут сидит, машинист каждый раз в определенное время проезжает на своем паровозе. Потому Фелька и поехала в Москву, что ей доверили. В Москве собрались люди из всех стран, весь мир им доверяет. И Юзя участвует в поездке, ей тоже доверили. Свисток с насыпи будто кричал: «Я в пути, я в пути». Юзя слишком истомилась, чтобы ощущать голод. Она завернула остатки хлеба в платок. Каким просторным стал платок!

Как ни сумрачна, как ни угрюма занавешенная комната, но перед Юзей, лежавшей с закрытыми глазами, плыли разноцветные круги, яркие краски сменяли одна другую.

В эту ли ночь или ближайшую что-то заскрипело на лестнице. Шаги были едва слышными, легкими, но Юзе показалось, что дом дрожит от радости. Как осторожно, как бережно вставили ключ в замок двери! Юзе хотелось спрыгнуть с кровати, но у нее не было сил...

...Они не зажигали света, будто еще не осознали, что ожидание кончилось, говорили шопотом.

— Я столько тебе привезла,— тихо сказала Фелька,— столько... Завтра все посмотрим, завтра я тебе обо всем расскажу.

Девочка ответила:

— Все. Обязательно.

Она была слишком слаба, чтобы расспрашивать. Мать порылась в вещах и сунула Юзе в рот что-то, из чего брызнул сок и пошел сильный сладкий запах. Юзя развязала платочек, ей хотелось показать матери, что там есть еще краюшка хлеба. В худшем случае хватило бы на два дня. Когда Фелька легла в кровать, Юзя прижалась к ней и уснула.

Фелька не могла спать. Многого ждала она от поездки в Москву, но такого представить себе не могла. Что значат мечты, описания, снимки по сравнению с действительностью! Своими глазами увидела она, что на земле строится новая жизнь, и не такой безнадежной показалась ей теперь ее собственная жизнь. Она вспоминала съезд. Перебирая пальцами волосы девочки, Фелька силилась повторить те слова, что так поразили ее, так потрясли.

Сейчас, ночью, она вспоминала лица людей, их речи с трибуны. Мужчины и женщины, молодые и седые, ткачи, металлисты, токари... Как пылающее знамя, не раз уже пробитое пулями, принес каждый свою наполненную борьбой жизнь сюда на трибуну, на которую он наконец попал из Польши, Малайи, Канады, Германии, Китая...

В сущности, она каждую секунду думала о Юзе. Как тяжело было на сердце, когда она оставалась одна! Но в большом собрании эти горестные и тяжелые мысли оставляли Фельку, и ей казалось, что она вовсе не разлучалась с дочерью. Потом она поняла: все удастся. И все удалось. Она перехитрила тех, кто сделал эту разлуку такой горькой, кто причинил ей столько зла. Фелька сумела вернуться к своим товарищам, которые послали и ждали ее, как ждала Юзя. Девочка сумела подождать, потому что одно связано с другим.

Завтра Фелька еще не выйдет на работу. Надо поскорее повидать Н. Он должен первым услышать рассказ о съезде. Остальное время Фелька проведет дома с Юзей.

Как ни хотелось Юзе рассказать Янеку все, о чем ей говорила Фелька, но и после возвращения матери нужно было молчать.

Вот почему Янек только недавно узнал обо всем.

Он узнал от обеих женщин, как Юзя оставалась с ним под одной крышей, а он и не подозревал. Янек качал головою: он был горд за свою Юзю.

В том году дети были разлучены друг с другом. Мать Янека ездила навестить отца в тюрьме и устроилась в Варшаве на работу.

Когда Юзя и Янек несколько лет назад снова встретились, они признались друг другу, что никакая другая любовь не нарушила их детской привязанности. Сейчас они муж и жена.

Все трое, Фелька, Юзя и Янек, побывали не в одной опасной поездке, не раз сидели в тюрьме, участвовали в восстании, пока их родина — Польша — не стала такой, как сейчас.

Были в их жизни времена, когда они маялись в тревогах и переездах; были времена, когда они боролись открыто, иной раз приходилось затаенно ждать, но всегда непоколебимо они шли к цели.

Перевела с немецкого Л. Лежнева.

СТРАНА ПОДХВАТИЛА ПОЧИН НОВАТОРОВ

М. Левченко, Г. Муханов и П. Завадская вернулись из Ленинграда и Иванова, где выступали на производственных конференциях, и застали у себя на фабрике груду писем. Почта принесла их со всех концов страны. Пишут омские галантерейщики, калининские кожевники, ульяновские суконщики и лысьвенские металлурги.

У всех один вопрос: как применить новаторский почин «Буревестника» на фабрике, заводе, мясокомбинате, как лучше сэкономить государственные средства, чтобы направить их в фонд великих строек коммунизма?

Своим корреспондентам новаторы отвечают сообща. Закончив трудовой день на фабрике, они садятся за письменный стол, чтобы подробно рассказать бесчисленным друзьям о методах своей работы.

Борьба за снижение себестоимости продукции на каждой производственной операции принесла «Буревестнику» большую экономию. Подведены итоги за первый месяц соревнования. В нем участвовало 1 939 обувщиков. Они обязались сберечь 405 тысяч рублей. Стахановцы превысили эту цифру: экономия достигла 448 тысяч рублей.

Теперь каждый рабочий имеет свой лицевой счет. Каждый знает, сколько денег он сберег государству. Закройщица Мария Левченко сберегла более 9 500 рублей. Никто из обтяжчиков не сэкономил столько, сколько Григорий Муханов, — 661 рубль 83 копейки.

Нередко приходят письма и из-за рубежа. Вот конверт с английской почтовой маркой. Лондонский рабочий просит написать, какую пользу принесло новаторское предложение фабрике «Буревестник». Будапештский обувщик спешит поделиться радостью: применив почин русских товарищей, его фабрика снизила себестоимость продукции.

На фабрике «Буревестник» за последний месяц побывало более тысячи представителей от различных предприятий Москвы и других городов. Все они тщательно изучали новаторский почин Марии Левченко (на снимке слева), Григория Муханова и Прасковьи Завадской.

Фото О. Кнорринга

Электротерапия на дому. Медицинская сестра Н. А. Сергеева оказывает помощь колхознице Е. И. Заваловой (село Виноградово, Московской области).

Фото Г. Зельма

ПО ДОРОГАМ МОНГОЛИИ

П. КРАВЧЕНКО

Фото Б. КУЗЬМИНА

Специальные корреспонденты «Огонька»

I. Лесничий из Маршальской пади

Всадник держался в седле легко, даже грациозно. Мы вышли из машины и залюбовались его юношеской, непринужденной посадкой. Это было у въезда в Маршальскую падь, недалеко от Улан-Батора. Когда всадник подскакал к нам и, не останавливая затанцевавшего коня, соскочил с седла, мы увидели, что это не юноша, а старик. Секунду он вглядывался в наши лица и с радостью сказал:

— Русские!

Он передал поводья подбежавшему сыну, приосанился, подошел к нам четким, строевым шагом, щелкнул каблуками, протянул руку лопаточкой и отрекомендовался:

— Мягмар. Лесничий здешней пади.

Мы зашли в нарядную юрту лесничего, так и не поняв, почему лесничий ходит строевым шагом, и присели на диванчик. Хозяйка подала угощение: кумыс, чай, сыр, пенки и вкуснейшее печенье. Стали расспрашивать Мягмара о его работе. Он рассказывал долго и занятно. Но по выражению его лица, по улыбке, по интонации голоса у нас создалось впечатление, что он говорит не о главном. Все казалось, что ему хочется сказать о чем-то другом. Это впечатление не обмануло. Он прервал свой рассказ, отложил в сторону трубку и вдруг привстал:

— Знаете? Я очень счастливый человек. Я, Мягмар, видел и слышал Владимира Ильича Ленина. Вот на таком же расстоянии, как вижу вас. Я смотрел ему в лицо больше часа.

Он открыл шкаф, вынул оттуда пакет, осторожно развернул пергамент, достал две карточки и протянул нам:

— Ленин. Его совет помог нам, монголам, стать свободными.

С открытки издания 1919 года на нас глянули ленинские глаза. На другом снимке был изображен Сталин в маршальской форме. Мягмар осторожно взял карточки из наших рук и снова тщательно завернул их в пергамент.

В этот вечер мы услышали от старого лесничего много интересного.

— Мое имя уже было в списке воинов, когда я познакомился с Сухэ-Батором. Это было в 1911 году. Мы выгнали из Урги маньчжурских сановников и объявили автономию. Я думал, что автономия — это свобода, и пошел в армию Богдо-Гэгэна. «А кто у тебя хозяин?» — спросил меня Сухэ-Батор. «Ноён» [1], — ответил я. «Свобода у тебя будет, если мы прогоним ноёнов, как сейчас прогнали маньчжурских сановников». «А разве это можно?» «Чего простой человек не знает, как ты думаешь?» — спросил вместо ответа Сухэ-Батор. Я помялся, и он ответил сам: «Предела своей силы не знает простой человек. Ноёнов прогнать можно».

Я хорошо запомнил эти слова. Мы были оба пулеметчиками, но меня мало кто знал, а Сухэ-Батора уже знала вся армия. Никто лучше него не умел джигитовать, никто не мог так вертеть «солнце» на турнике, как это делал Сухэ-Батор. Никто не мог соперничать и в силе с этим высоким и тонким юношей. Он самоучкой выучился читать и стал образованным человеком. Но даже когда он стал командиром, не было человека проще и приветливее его. Умный не высокомерен — большая река спокойна. Любимая его поговорка была: «В беде нужна твердость, как в счастье бдительность». И еще: «Чем нечестно жить, лучше с честью умереть»... Потом я расстался с ним на много лет и думал, что Сухэ-Батор забыл про меня. Но он помнил. Плоды дурного замысла гибнут со временем. Плоды доброго желания и смелых мыслей со временем обязательно созреют. Когда в 1921 году революционные отряды Сухэ-Батора и Чойбалсана вместе с Красной Армией ворвались в Ургу и освободили ее, Сухэ-Батор вспомнил, что я был отличным пулеметчиком, и вызвал меня с границы в Ургу. Я стал инструктором пулеметного дела в народно-революционной армии.

Собака украдчива, ноён коварен. Я любил Сухэ-Батора и боялся, что ноёны могут убить его,— я ходил за ним по пятам и караулил его от опасностей. Он тоже привязался ко мне, и я стал его адъютантом. Осенью он мне сказал: «Поедем со мной». «Далеко?» — спросил я. Он засмеялся: «Для хорошего коня нипочем расстояние, а для батора — препятствия. Очень далеко». И я стал подгонять седло в дальнюю дорогу. До Кяхты мы ехали на конях. Потом пересели на пароход и доехали до Верхнеудинска. Когда я в первый раз увидел поезд и узнал, что в этой машине надо ехать, немного испугался, но виду не подал... От Верхнеудинска мы ехали очень быстро и скоро приехали в Москву. Там нам отвели большой красный дом, и к нам в гости пришел Фрунзе, который подарил Сухэ-Батору шашку в золотой оправе.

А потом мы сели в машину и поехали в Кремль. Нас проводили в большой дом. Из двери вышел человек с бородкой, быстро направился к нам, и я даже растерялся, потому что до сих пор Ленина видел только на картинках, а это был живой Ленин, который улыбался и жал руки. Сухэ-Батор потом говорил, что Ленину было больше пятидесяти лет, а мне он показался молодым. Я впервые в жизни увидел, как Сухэ-Батор волнуется,—обычно он был таким спокойным. По монгольскому обычаю он обеими руками преподнес Ленину хадаг — ленту счастья — и очень громко сказал ему благодарность за то, что Ленин помог нам выгнать из

[1] Феодальный титул, князь.

Всадник соскочил с седла, и мы увидели, что это не юноша, а старик.

Улица в Улан-Баторе.

Монголии врагов. Ленин улыбнулся и провел нас в комнату.

Больше часу Сухэ-Батор разговаривал с Лениным. Я смотрел на Ленина, слушал переводчика, и все будущее нашего народа мне стало казаться таким простым, хорошим и ясным, что было даже непонятно, как я раньше сам не понимал, какую очень хорошую жизнь можно нам сделать. Я видел: вот самый умный человек на земле разговаривает с нами не только как учитель, но как самый близкий и самый лучший друг, родной и ласковый. Я вытирал глаза и снова смотрел, все смотрел ему в лицо и понимал, что за этого человека можно пойти на любые копья, под пули, только бы он жил и продолжал работать. Я не очень хорошо помню, как мы вышли от Ленина, потому что был сильно взволнован. Помню, что у Сухэ-Батора так сверкали глаза, как я никогда не видел прежде, и он все говорил мне: «Ну, понимаешь, Мягмар, понимаешь? Теперь нам больше ничего не страшно, теперь мы все преодолеем, все. Ты еще такую, такую прекрасную Монголию увидишь!..»

Я ее увидел, новую, прекрасную Монголию. Сухэ-Батор не дожил до этого времени. Молчаливая собака злее кусает. Враги исподтишка отравили Сухэ-Батора... Враги одной породы с теми, что осмелились стрелять в Ленина... Подождите одну минутку, я скоро вернусь.

Старик вышел из юрты, вскочил на коня, ударил его плетью и быстро поскакал по направлению к одинокой сопке, стоявшей в стороне. Минут через десять он вернулся и сказал, что ездил посмотреть на овечье стадо. Но мы видели, что дело не в стаде: глаза у Мягмара слегка припухли и покраснели.

— Ничего враги не добились: наш народ стал умнее. Мы уже больше не хотели быть голодными и нищими. У Сухэ-Батора был очень хороший друг: Чойбалсан продолжил его дело — и враги были разгромлены. А после смерти Ленина нам помогал и помогает Сталин.

Я еще раз ездил в Москву. В 1926 году. На этот раз я сопровождал Чойбалсана. И после этого много лет я все слежу, как становится богаче и разумнее наша жизнь. И я знаю, что это делается по советам и при помощи Сталина. Я вам скажу еще вот что: вы будете ездить по нашей стране. Посмотрите, как к вам будут относиться люди. Вы поймете, что нет такой мерки, чтобы измерить благодарность наших людей Советскому Союзу. Ведь без вашей страны мы были бы подавлены врагами и снова нас колотили бы палками надутые сановники и ноёны.

...Мягмар поехал проводить нас. На пригорке мы остановились. Внизу широко раскинулся Улан-Батор. Его белые здания словно просвечивались изнутри. Солнце заходило, и на городе лежал нежнолиловый налет. Кровли высоких домов, вымытые недавним дождем, вспыхивали оранжевым светом. По улицам деловито сновали машины.

— Вон там, справа, где светлые дома, видите? Там была раньше свалка. Туда сваливали не только мусор, но стаскивали и бесчисленных нищих, которые от голода и болезней не могли больше ходить. Нищие умирали на свалке, а их трупы пожирали собаки. Вот как мы жили раньше... Там, где здание университета, и еще правее, где дом правительства, там Унгерн расправлялся с недовольными: им отрубали головы по старому маньчжурскому обычаю... А дома были все глинобитные и редко — деревянные... Что, красивый город?

Да, новый город был очень красив!

II. Королева электричества

Путешественники прошлого века сказали немало горьких слов о монгольских дорогах. Еще и сейчас стоят на перевалах памятники этого времени: высокие «обо», сложенные из камней. Но если бы Пржевальский, Козлов или Потанин проехали по монгольским дорогам сейчас!

Во все стороны от Улан-Батора раскинулись ровные, широкие шоссе. С каждым годом они обновляются, становятся лучше. Вот старый деревянный мост. Одна сторона его обрушилась, и кажется, что мост в досаде опустил в

←

Дорога из Улан-Батора в Цэцэрлик.

реку свои одряхлевшие бревна и захлебнулся водой. Но этот старик уже и не нужен больше никому: рядом с ним проложен великолепный железобетонный мост с металлическими перилами.

Дорога идет через степи и горы, покрытые желтеющей травой. Деревья встречаются редко. Суслик определенно уверен, что машина приехала сюда со специальным намерением гоняться за ним, сусликом. Он в крайнем ужасе мчится в сторону и исчезает в норе. Ощипанные орлы-могильники — их много в Монголии,— те наоборот: сидят рядом с дорогой на кочках, сидят равнодушные, злые и даже голову не повернут к машине, что мчится по дороге. Они чем-то напоминают старых лам — священнослужителей: в своих кочках — монастырях — с таким же показным безразличием ко всему на свете ламы поджидали добычу.

Вот уже второй день мы едем на «газике» из Улан-Батора в Цэцэрлик — центр Архангайского аймака. Навстречу нам идет много машин; они везут в Улан-Батор шерсть, масло, молоко. Наш шофер Тимур радостно приветствует встречных шоферов. Потом он останавливается, выходит, копается в радиаторе, ныряет под машину и говорит о чем-то громко и возбужденно. Среди потока монгольских слов мы различаем знакомые нам «стартер», «фара».

— Что случилось?

— Говорит, аккумулятор испортился. Стартер перестал работать, фары не будут светить ночью,— сообщает нам переводчик.

Тимур — человек восторженный. Он всегда возбужден: и в радости и в беде. Он лезет под сиденье, достает оттуда длинную ручку, чтобы завести мотор, и неожиданно смеется.

— Чему он рад? — спрашиваем мы переводчика.

— Говорит, попадет ему в Цэцэрлике от «королевы электричества».

— Королевы?

Переводчик Лодойдамба усмехается:

— Увидите сами, когда приедем.

Приезжаем в Цэцэрлик. Красивый город, в рамке из гор... Въезжаем во двор автобазы.

Здесь шумно. Много машин, много людей. В этой провинциальной автобазе 68 грузовых машин «ЗИС-5», 16 бензовозов. Наш «газик» в толпе машин остается незамеченным. Тимур останавливает машину у мастерской и не торопится выходить. Из окна видим: высокая, тонкая женщина держит в руках пачку пластин аккумулятора и разговаривает со стоящим рядом шофером. Она спокойно спрашивает его: «Ты, наверно, любишь натягивать на голову брезент, когда дождь уже прошел?» Шофер мнется. «Почему же ты не пришел ко мне с этим аккумулятором раньше?» — продолжает допытываться женщина. Шофер только почесывает затылок. Эта женщина и есть электрик Дава, которую монгольские шоферы, с обычным пристрастием шоферов к необыкновенным прозвищам, назвали «королевой электричества». Но в этом прозвище не было и тени насмешки.

Вечером мы узнаем от электрика ее простую биографию. Ей 38 лет. Отец был батраком и почти не имел своего скота, а дочерей было четыре, из которых Дава — младшая. Семнадцатилетней девушкой Дава поехала в Улан-Батор и поступила на автобазу подручным электрика. Она была первой женщиной-электриком в Монголии. Электричество казалось чудом, а сама она почти всерьез думала о себе, как о служителе электрического божества. Учил ее русский мастер-электрик. Выучилась и поняла: никакого божества нет, а есть очень интересная работа, настолько интересная, что дня казалось мало,— приходила и работала по ночам. Обучилась грамоте. Получила 6-й разряд и сама стала мастером. Отец приезжал к ней и уже с некоторой робостью поглядывал на дочь, когда она властно распоряжалась своими подручными и шоферами: «Неужели это моя Дава — тоненькая, застенчивая дочка?» В 1949 году ее перевели в Цэцэрлик, и с тех пор она работает здесь. Вот и вся биография.

— Как вы умеете перевыполнять норму в полтора раза?

— Наверно, норма маленькая,— с убеждением говорит она.

«Работа не надоедает» — кроме этого мы от нее ничего не сумели добиться. Она явно преуменьшала свои заслуги. По-настоящему мы узнали о ее работе от шоферов и нашего переводчика Лодойдамбы.

«Почему же ты не пришел ко мне с этим аккумулятором раньше?» — продолжает допытываться Дава.

— Дава? — с возбуждением переспрашивают шоферы.—Она все, что хотите, сделает. Даже когда нет запасных частей. Ни один кусочек провода не пропадет. Якорь сгорел — перемотает, исправит любое динамо. Старые анодные пластины переплавит — новых наделает. Из негодного реле годное сделает. К празднику собрала со свалки старый материал, изготовила из него три новых радиатора.

Да разве все расскажешь? Знаете, как к ней относятся шоферы? В прошлом году уехала она в отпуск, в санаторий Хужиртэ. Приехал другой электрик. Так шоферы не дали ему ремонтировать, говорят: «Испортишь, Даву обождем». И сидел, бедный, почти месяц без работы. «Королевой» ее за глаза зовем, а вслух при ней нельзя: сердится. За моторами куда лучше стали ухаживать, а то совестно: она ведь член партии!

— Дава подготовила сейчас семь новых электриков,— сказал Лодойдамба.— Женщина обучила семерых мужчин. Просто? Для вас это просто, в вашей стране привыкли к таким фактам. А для нас это очень дерзко, очень ново и красиво. Знаете, чем была женщина в Монголии? «Собака умнее жены,— важно изрекали прежде мужчины,— она даже спросонья не лает на хозяина». Понятно? Вот чем была женщина в Монголии. Это трудно было перевернуть. Еще недавно в ходу была поговорка: «Хоть и образованна, но женщина. Хоть и необразован, да зато мужчина!» Больше вы нигде не услышите этой поговорки. Видели студенток, учительниц, женщин-врачей в Улан-Баторе? Слышали, шоферы ухаживать за моторами стали лучше: совестно перед членом партии Давой!

Скотоводы четвертого бага Булганского сомона живо интересуются событиями, которые происходят во всем мире.

«Почему американские правители затягивают переговоры о перемирии в Корее?», «Кто мешает объединению Германии?»— этими и многими другими вопросами жители бага засыпают своих агитаторов и пропагандистов.

На снимке: агитатор Архангайского аймачного комитета Народно-революционной партии Шадавдорж рассказывает скотоводам о международном положении.

Наш главный герой

Сергей СТОЛЯРОВ,

артист Студии киноактера

Свой жизненный путь я начинал токарем у станка. До сих пор не забылось радостное ощущение, которое давала выполненная работа, когда из грубого слитка металла получалось красивое, нужное людям изделие. Это же чувство рождается у шахтера, добывающего уголь, у строителя, воздвигающего могучие корпуса заводов, домов, дворцов культуры, у сборщиков на конвейере автомобильного завода, у ткачихи, через руки которой проходят десятки тысяч метров тканей.

Наша великая революция, раскрепостившая труд, открыла перед рабочими огромные перспективы. «Твори, выдумывай, пробуй!» — эти слова Маяковского стали девизом советских людей.

Каждый день газетные листы приносят вести о трудовых подвигах. «Простые советские люди, творчески относясь к своему труду, решают важнейшие проблемы комплексной экономии, скоростных методов резания, рациональной организации производства, борьбы за отличное качество продукции», — писали знатные стахановцы-москвичи в своем открытом письме драматургам. В делах таких новаторов, как Анна Кузнецова, сталевар Василий Амосов, Лидия Корабельникова, инженер Федор Ковалев, проявляются новые черты характера советского рабочего, советского инженера.

Раскрыть эти характеры в ярких художественных образах, показать их с экрана всему миру призвано советское киноискусство.

В золотой фонд советской кинематографии вошли фильмы, которые показывают рабочего-революционера, рабочего-солдата. Это Павел Власов и Ниловна из кинокартины «Мать», Максим из кинотрилогии, комиссары Фурманов из «Чапаева» и Мартынов из «Мы из Кронштадта». Замечательным пропагандистом социалистического отношения к труду стала одна из первых звуковых кинокартин «Встречный». Фильм «Партийный билет», построенный на материалах жизни большого завода, учил революционной бдительности; фильм «Большая жизнь» (I серия) показал развитие стахановского движения как подлинно народного.

Все эти кинопроизведения памятны нашим зрителям. Можно без преувеличения сказать, что эти фильмы помогали жить и бороться, воспитывать новые поколения советского рабочего класса.

В 1946 году, после окончания Великой Отечественной войны, были подготовлены к выпуску два фильма о рабочем классе — «Простые люди» и «Большая жизнь» (II серия). Эти фильмы в самой своей основе оказались порочными — в «Простых людях» рабочий коллектив был показан серой, безвольной массой, а в «Большой жизни» (II серия) герои восстановления Донбасса превращены в невежественных, малограмотных людей, не отличающихся к тому же высокими моральными качествами.

ЦК ВКП(б) в постановлении от 4 сентября 1946 года резко осудил эти фильмы, указав, что «некоторые работники искусств, живя среди советских людей, не замечают их высоких идейных и моральных качеств, не умеют понастоящему отобразить их в произведениях искусства».

Первым послевоенным фильмом о рабочих, заслужившим в общем положительную оценку, была кинокартина «Путь славы». Биографическая киноповесть «Путь славы» (постановка А. Рыбакова, М. Швейцера, Б. Бунеева) рассказывает о жизни женщины-машиниста Саши Воронковой, в образе которой воплотились лучшие черты наших прославленных героинь труда. По-настоящему волнует трогательная дружба Саши (артистка О. Иванова) со старым машинистом Иваном Константиновичем — ее учителем.

Но все же и эта картина неизбежно вызывала у зрителя чувство неудовлетворенности. Замечательна судьба простой девушки с полустанка Саши Воронковой. Но почему у нее так неудачно сложилась личная жизнь? Почему Саша должна была полюбить никчемного и пустого себялюбца Николая Макагона? Почему авторы на протяжении фильма неоднократно ставят перед героиней вопрос: **или** личное **или** общественное, — будто в нашей жизни не существует крепкого единения личного и общественного?

Могут сказать: так бывает и в жизни. Да, к сожалению, еще бывает. Но типична ли такая личная жизнь для передового человека нашего времени, каким мы вправе считать героиню фильма?

Когда в фильме «Член правительства», поставленном по сценарию того же автора — Виноградской, — против высоких помыслов и стремлений передовой колхозницы восставал ее муж, мы понимали и видели, что это человек, выросший в условиях старой деревни. Новое ему далось не сразу. Мы верили писательнице, а вслед за ней режиссеру и актрисе, что именно так и происходила в жизни деревни ломка старого и борьба с ним.

Но когда в фильме «Путь славы» мы встречаем, по существу, ту же ситуацию, хотя теперь здесь действуют молодые люди, выросшие в наше, советское время, это заставляет нас насторожиться. Чувство меры здесь явно изменило драматургу, принесшему жизненную правду в жертву облюбованной драматической ситуации. А подгонка жизни под готовую драматургическую схему не могла не испортить хорошего замысла. Фильм получился обедненным: недостаточно внимания уделили его авторы тому, что составляет главное в жизни Саши, — ее отношению к труду.

Между тем жизнь настоятельно требовала создания кинокартин, которые помогали бы решать задачи, вставшие перед народом сегодня.

Фильм «Путь славы». На фото в центре — машинист Саша Воронкова (артистка О. Иванова).

Трудно описать чувство, охватившее нас, актеров, когда мы приступили вместе с режиссером А. Столпером к работе над фильмом «Далеко от Москвы», основой для которого послужило одно из лучших произведений советской прозы. Работая над образом инженера Рогова, я вспоминал многих своих старых друзей, стоявших рядом со мной за станком, а потом окончивших институты и ставших хорошими командирами производства. Хотелось донести до зрителя необыкновенно требовательное отношение моего героя к порученным ему обязанностям, его увлеченность работой, его глубокую преданность Родине.

Наша картина вышла на экран в дни, когда советский народ приступал к великим стройкам коммунизма. И зритель сразу отметил, что фильм «Далеко от Москвы», посвященный строителям нефтепровода, прокладывавшегося во время войны, многому может научить. В глубоком тылу, далеко от фронта трудится в дни войны коллектив строителей. Идет собрание. Радио передает историческую, полную уверенности в победе речь вождя в канун 24-й годовщины Октябрьской революции. С этого дня участники стройки становятся бойцами трудового

фронта. Личное задание вождя, переданное представителем Комитета Обороны,— вести строительство нефтепровода, нужного для дела победы, напряженными темпами — сплачивает строителей, разбросанных по огромной трассе, в единую семью. В напряженном дружном труде раскрываются душевные богатства простых советских людей, таких, как шофер-новатор Махов, как сварщик Умара Магомет, и многих других.

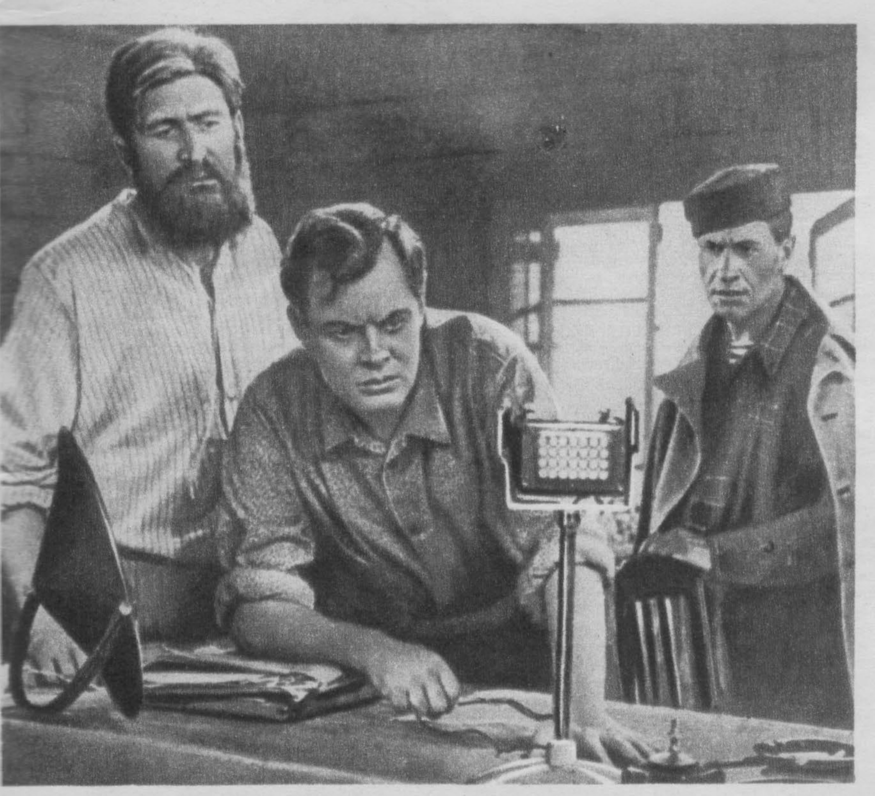
Актеры, играющие в фильме «Далеко от Москвы», запечатлели типические черты характеров наших современников. Фильм дышит подлинной жизнью, победной мощью советских людей; поэтому так сильно воздействие воодушевляющего труда его героев. В одном документальном фильме о строительстве Куйбышевской ГЭС приводится письмо советского патриота, который пожелал работать на советской стройке. «Хочу быть таким, как Умара Магомет в фильме «Далеко от Москвы»,— говорилось в этом письме. И то, что сварщик Умара Магомет (его прекрасно сыграл в фильме артист М. Бернес), подлинный энтузиаст стройки, не оставлявший своей работы даже в страшный буран, стал любимым образом киноискусства для участников великих строек коммунизма, доставляет нам, кинематографистам, большое творческое удовлетворение.

Крупной победой советской кинематографии был выпущенный в нынешнем году фильм «Донецкие шахтеры» (постановщик Л. Луков). Киноповесть о шахтерах убедительно показала, какое благотворное влияние оказывает на развитие искусства наша партийная критика. Тема и образы этой волнующей кинокартины взяты из самой действительности. Полны настоящего обаяния образы членов семьи почетного шахтера Степана Недоли, интересна их жизнь, высоки их помыслы. За биографией старого шахтера (его играет народный артист СССР Б. Чирков), лаконично и ярко показанной с экрана, мы видим биографию всего рабочего класса нашей страны, славный его путь. Советская власть, наше социалистическое государство преобразили жизнь и труд шахтера, подняли на такую высоту старого Недолю, помогли его детям получить высшее образование, стать первоклассными командирами производства.

Жизненно правдив и характер знатного навалоотбойщика шахты Василия Орлова (артист А. Петров). Не боясь остановиться на слабостях и заблуждениях молодого шахтера, авторы фильма показывают, как помогают Орлову найти правильный путь в жизни коллектив и старшие товарищи.

Фильмы «Далеко от Москвы» и «Донецкие шахтеры» очень популярны в народе, и эта популярность заслуженна. Но хочется сказать о теме, которая в этих хороших картинах все же недостаточно освещена. Это тема труда передового рабочего, его творчества, исканий, его трудового подвига. Мы часто повторяем замечательные сталинские слова о стахановцах: «присмотритесь к товарищам стахановцам. Что это за люди? Это, главным образом,— молодые или средних лет рабочие и работницы, люди культурные и технически подкованные...» Но, к сожалению, мы не можем назвать ни одного произведения кинематографии, в котором было бы образно и художественно раскрыто глубокое значение этих сталинских слов. Мы до сих пор не увидели на экране образа передового рабочего, который был бы главным, ведущим, определяющим развитие сюжета фильма.

Художественная кинематография еще боится подолгу задерживаться в цехе, у доменных печей, на стройке. Неудачи многих сценаристов, писавших о рабочих, проистекали, мне кажется, от того, что авторы пытались решать главные эпизоды вне места работы действующего лица. Его технические искания, его победы и неудачи у станка еще не стали предметом пристального внимания кинодраматургов. Актеру же очень хочется сыграть именно такого человека!

Фильм «Далеко от Москвы». Сцена у селектора. Справа налево: сварщик Умара Магомет (артист М. Бернес), Алексей Ковшов (заслуженный артист РСФСР П. Кадочников), Карпов (артист В. Бубнов).

Артист осетинского театра

Пятнадцать лет назад в столице Северной Осетии открылся первый в истории осетинского народа национальный театр. Его коллектив составили молодые артисты, получившие образование в Москве, в Государственном институте театрального искусства. За время существования Государственного осетинского театра в нем побывало свыше миллиона зрителей, почти полтораста пьес сыграли его актеры. Мы рассказываем здесь о творческом пути народного артиста Северо-Осетинской АССР, заслуженного артиста РСФСР Владимира Васильевича Тхапсаева.

Народный артист Северо-Осетинской АССР В. Тхапсаев в роли Отелло.

Фото П. Евгеньева

Высокий, широкоплечий, с выразительным лицом, умными, внимательными глазами, с глубоким, богатым голосом В. В. Тхапсаев самой природой создан для сцены. Жест его выразителен, четко отточен, образы трогают непосредственностью, пленяют свежестью и выразительностью.

...Величавым полководцем, человеком исключительной душевной красоты предстает перед нами его Отелло. В нем покоряет сочетание мудрости отважного полководца с каким-то детским простодушием, мягкостью доверчивого, открытого сердца.

Он счастлив, влюблен, нашел, наконец, после бурной, тревожной жизни душевный покой.

Чистосердечно, просто, с мягкой улыбкой и большим достоинством раскрывает Отелло венецианскому сенату тайны «колдовства», покорившего прекрасную Дездемону:

Я ей тревожной жизнью
полюбился,
Она же мне — горячностью
души.

Пойманный в коварную сеть Яго, он перестал верить Дездемоне. В его смятенной душе хаос. Для Отелло мнимая измена Дездемоны — крушение всего его внутреннего мира, гибель самого главного — доверия и уважения к человеческой личности.

Не перестав и теперь любить Дездемону, Отелло судит ее суровым судом. Он совершает убийство не в припадке ревнивой злобы. Сознательно вырывает он из души самое дорогое, потому что хочет избавить человечество от чудовища.

...Нелегким был путь к театру Владимира Васильевича Тхапсаева, деревенского мальчика из селения Ардон, ставшего крупнейшим мастером своего национального театра.

Однажды под вечер к зданию театра драмы в Дзауджикау подошел скромный подросток, видно, пришедший издалека. Он занял свое место на галерке, с наслаждением вытянул усталые ноги и стал дожидаться начала. Чтоб попасть в театр, он вышел из Ардона рано утром и прошел тридцать километров босиком (чувяки были бережно завернуты в платок, надел он их, только подходя к городу).

Спектакль «Разлом» на малопонятном деревенскому пареньку русском языке глубоко потряс его. Перед ним только что прошли люди с горячими чувствами, романтические образы революционных матросов. Как это было непохоже на представления любителей из сельского драматического кружка, где Владимир Тхапсаев и сам робко пробовал свои силы! Юноша ушел из театра, твердо решив стать артистом.

Но жизнь надолго отодвинула от него сокровенную мечту. Сначала крестьянский труд в родном селе, потом работа на фабрике. По призыву комсомола Тхапсаев отправился на строительство комбината на Сахалине. Вернувшись, учился в автодорожном техникуме и на учительских курсах. Чтобы быть ближе к сцене, он поступил рабочим в театр драмы, участвовал в массовых эпизодах, затем учился в студии при театре.

После того, как он сыграл вместо заболевшего актера комическую роль судьи в спектакле «Адвокат Патлен» Мольера, на него обратили внимание. Тхапсаеву дали новую роль — в пьесе основоположника осетинской драматургии Е. Бритаева «Две сестры». Надолго запомнился зрителям остро очерченный образ хитрого старика Татархана, представителя старой, косной Осетии.

Талантливый артист сыграл десятки ведущих ролей, создал галерею народных типов, героев классической драматургии, образов советских людей.

В. Тхапсаев поистине обладает даром перевоплощения — обаятельный Швандя в «Любови Яровой» и талантливый полководец сталинской школы генерал Муравьев в пьесе «Победители», смешной и жалкий старик в комедии «Поминальщики» и легкий, стремительный, молодой Касай в пьесе «Фатима». Страстно прозвучал его страдающий, властный и озорной Егор Булычев. И, наконец, мы его видим в облике шекспировского Отелло...

* * *

Откуда бы ни приехал в Дзауджикау осетин, по делу или в гости, он непременно побывает в своем национальном театре, слава о котором идет по всей республике. И особенно большой любовью зрителя пользуется талантливая игра артиста В. Тхапсаева.

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

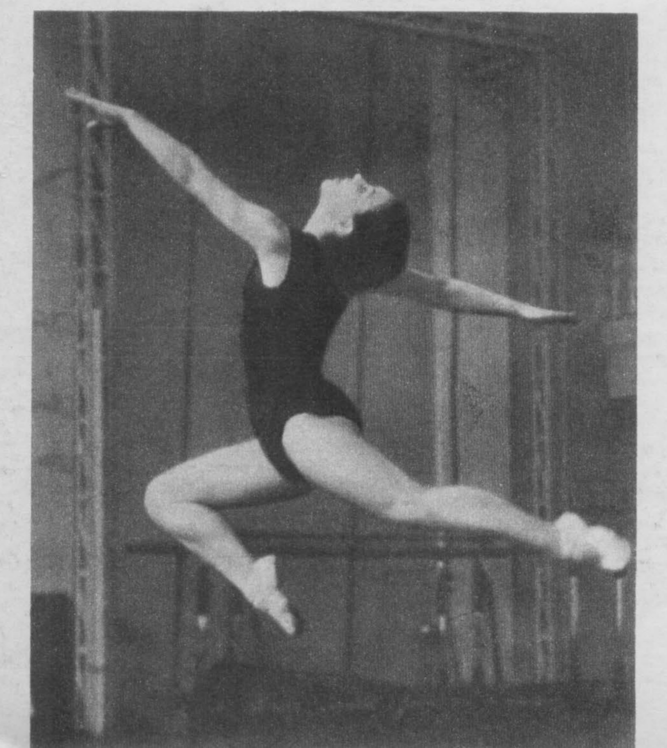
В зале собрались зрители. Судьи заняли свои места. Начались соревнования по художественной гимнастике на первенство Москвы.

Сила и гибкость нужны для того, чтобы исполнить прыжок в сторону так, как это делает Зинаида Рулева.

Искусство движения

Фото Е. УМНОВА

Этим выразительным движением Клара Рябова делает так называемый «подбивной прыжок».

В светлом зале звучит вальс Глазунова. Прозрачная мелодия взлетает к балконам, где застыли внимательные ряды зрителей. По залу вращаются, скользят, выполняя гармоничную цепь упражнений, спортсменки. И, глядя на них, начинаешь понимать, что музыку можно видеть.

Таково первое впечатление от художественной гимнастики — самого молодого спорта, родившегося у нас недавно.

Художественная гимнастика способствует развитию красоты движений, пластичности, гибкости. Одним из главных элементов в этом виде спорта является музыка. С ее помощью и воспитывается ритмичность, выразительность жестов, их красноречивость. Художественная гимнастика — это родная сестра танца, перенесенная из области искусства в область спорта.

В 1947 году впервые был проведен конкурс художественной гимнастики. Участники получили разработанную программу, состоящую из перечня гимнастических элементов, на основе которых каждый должен был выполнить определенное обязательное упражнение и создать свое произвольное упражнение. В результате конкурса впервые в истории художественной гимнастики выявился победитель. Это была команда Эстонской ССР. В следующем году было разыграно первенство страны по художественной гимнастике, которое выиграла ленинградская спортсменка А. Башнина.

Вот уже два года, как разыгрывается лично-командное первенство страны в этом молодом виде спорта. Его выигрывали москвички и ленинградки.

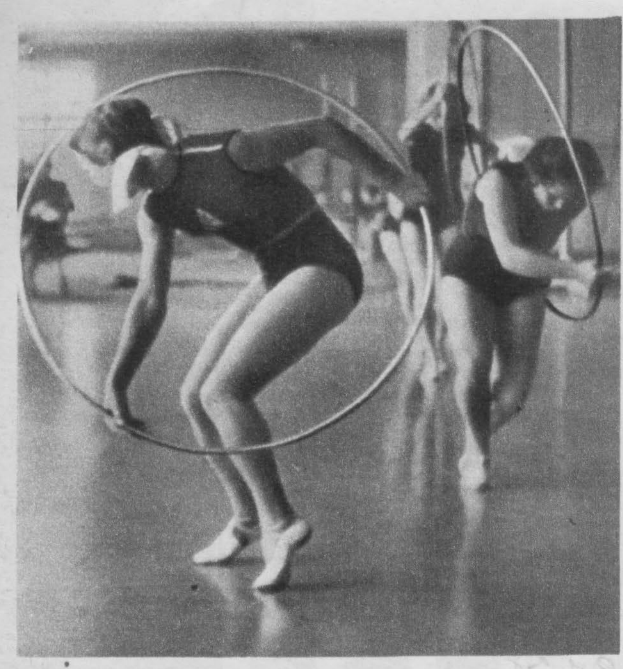
Личное первенство 1951 года завоевала В. Сивохина, которая прекрасно сочетает выразительность движений со спортивной силой и ловкостью.

Для того, чтобы успешно выступать в художественной гимнастике, требуется большая и разносторонняя тренировка. В нее входят упражнения на силу и гибкость, на расслабленность и пружинность. Молодые спортсмены учатся двигаться под музыку. Можно смело сказать, что они как бы заново учатся ходить.

Те, кто впервые попадает в гимнастический зал и начинает занятия, с удивлением узнают, что самое понятие «ходьба», столь обычное и естественное для каждого человека, здесь имеет множество самых различных градаций. Существует мягкий шаг, шаг высокий, острый, шаг галопа, шаг польки, перекатный, пружинный, шаг полонеза и вальса. Они узнают, что ходьба является одним из основных элементов танцевальной формы движения, так же, как бег и прыжки. Все эти прекрасные упражнения отлично укрепляют мышцы, содействуют развитию координации движений.

А когда все основные элементы будут освоены, в тренировку включаются музыкальные игры, танцевальные комбинации и пляски, которые помогают спортсменам полностью сливать свои движения с музыкой.

Для того, чтобы это выпол-

Выступают гимнастки общества «Локомотив». Их упражнения с обручами полны изящества, пластичности и ловкости.

нить, гимнастка должна пройти большую школу и прежде всего освоить упражнения на пружинность и упражнения типа «волна», очень характерного для художественной гимнастики. «Волна» насыщает движение динамикой и придает ему своеобразный характер мягкости, текучести, плавности. Молодая гимнастка обязана прекрасно овладеть взмахами — сложным движением, требующим подготовки всех мышц. В тренировку входит также акробатика, которая является неотъемлемой частью художественной гимнастики, занимая в ней все большее и большее место. Наконец, гимнастки изучают прыжки и упражнения в равновесии. Только полное сочетание этих элементов позволяет им перейти к изучению обязательной и произвольной программы.

Когда мы видим, как легко и непринужденно выполняют гимнастки свои композиции, мы невольно забываем, что эта легкость — плод большой предварительной работы.

Показывая обязательные упражнения и произвольные комбинации, гимнастка знает, что за каждым ее движением внимательно следят опытные судьи и что ее ошибка — незначительная неточность в положении тела, отклонение от необходимой амплитуды или нарушение плавности — снижает ей балл, уменьшает возможности победы...

В светлом, огромном зале звучит вальс Глазунова, и под звуки музыки гимнастки ведут борьбу, соревнуясь в наибольшей четкости и красоте движений, в их безошибочности и выразительности.

Особенно интересны соревнования гимнасток первого разряда. Они состоят из шестиборья: обязательного упражнения без предмета и с предметом (с мячом, скакалкой, лентой, шарфом, обручем или флагом), акробатического упражнения, прыжка и двух произвольных композиций, созданных по своему вкусу и желанию самими участницами.

Каждая спортсменка стремится к тому, чтобы получить наивысшую оценку — 10 баллов, не допустить ни одной ошибки, ни одной неточности.

В этом молодом спорте уже выявилась большая группа способной молодежи.

Недавно на первенстве Москвы по художественной гимнастике очень успешно выступали спортсменки общества «Трудовые резервы»: Зинаида Рулева, Лидия Рыбакова и Надежда Дмитриева. Рыбакова и Дмитриева не только сами показали отличные результаты, но сумели подготовить к соревнованиям большую группу молодежи. Большое искусство продемонстрировала гимнастка спортивного общества «Искра» Клара Рябова.

Пройдет еще немного времени, и художественная гимнастика станет любимым спортом нашей женской молодежи, любимым зрелищем посетителей стадионов и гимнастических залов.

В. ВИКТОРОВ

↓ Художественная гимнастика — «танец», перенесенный в область спорта. Это видно по выступлению спортсменок общества «Искра».

→ Валентина Обмолкова хорошо владеет сложным движением — «взмахами». Это позволяет ей делать красивые упражнения с шарфом.

Иностранный юмор

В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

— Карл,— говорит крестьянин Гайнрих,— пишут, что какой-то американский профессор вывел совсем новую породу коров.

— Вот как! — говорит Карл.— Наверное, она дает готовое консервированное молоко?

— Не-е!..— отвечает Гайнрих.— На этот счет ничего не известно. Но эта корова имеет очень длинную шею, как жираф. Выгода от нее та, что жрать она может в Германии, а доить ее будут в Америке...

ПОНЯЛ С ПОЛУСЛОВА

Разговор двух американцев:

— Я жил в Италии в качестве офицера оккупационных войск. Какие там в музеях отличные картины и антикварные вещи!

— Вот как! Ну-те, покажите...

Из немецкого журнала «Neue Berliner Illustrierte»

СТО ПРОЦЕНТОВ

Иностранный корреспондент в Иране опрашивает иранцев. Ему отвечают:

— Десять процентов населения терпеть не могут англичан, десять процентов не выносят американцев.

— Ну, а остальные восемьдесят процентов?

— О, эти полны ненависти и к англичанам и к американцам!

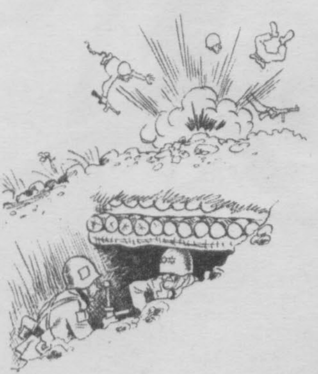
ВОЕННАЯ ТАЙНА

Один из американских солдат, присланных в Корею, спросил своего начальника:

— Зачем нас сюда привезли?

— Это военная тайна.

Из польского журнала «Шпильки».

Впервые...

...судовая паровая машина без громоздких рычагов-балансиров создана в России в 1832 году. Эта машина была установлена на военном судне «Геркулес». В Англии подобные механизмы появились только через десять лет.

...паровую турбину как двигатель создал в 1813 году алтайский мастер Поликарп Залесов. За рубежом, в Швеции и затем в Англии, паровую турбину смогли построить лишь через семьдесят пять лет.

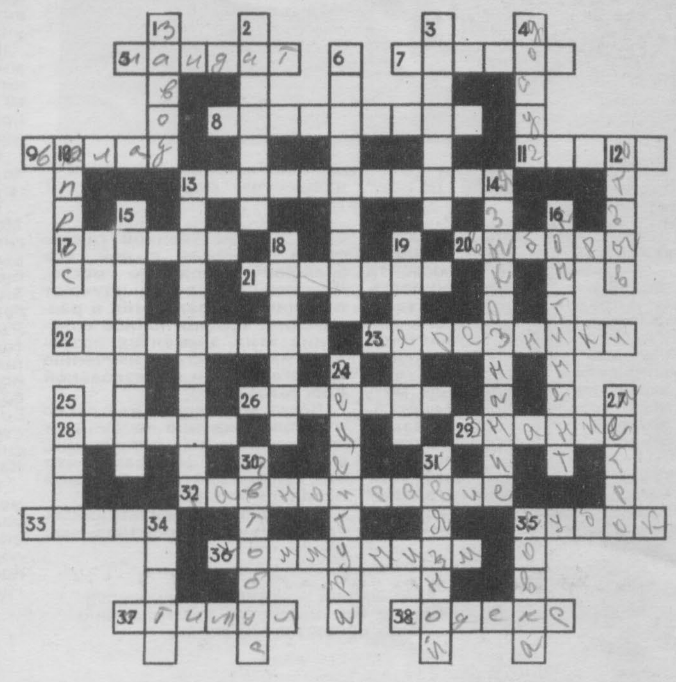
...бензиновый двигатель (предназначенный для воздушного корабля) сконструирован и построен в 1882—1883 годах русским моряком, капитаном дальнего плавания О. С. Костовичем. Этот первый в мире бензиновый мотор хранится теперь в Москве, в Музее авиации.

...ввел в электротехнику так называемый трехфазный ток — совокупность трех переменных токов, передаваемых по трем проводам,— русский электротехник М. О. Доливо-Добровольский.

...опыты передачи электрической энергии по рельсовым путям осуществлены в 1876 году в России инженером Ф. А. Пироцким.

...способ электрической сварки металлов осуществлен в 1882 году русским изобретателем Н. Н. Бенардосом. «Сшивание» металла электрическим швом он назвал «электрогефестом».

...построил зеркальный микрообъектив большой силы и создал микрофотографический аппарат для съемки в ультрафиолетовых лучах советский оптик Е. М. Брумберг. С помощью этого аппарата различные крохотные вещества-невидимки были сняты в невидимых лучах.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Документ, удостоверяющий особые полномочия. 7. Название высших законодательных учреждений. 8. Пособие учащимся. 9. Денежные и материальные поступления. 11. Центр автономной области. 13. Основной закон. 17. Защита. 20. Избрание должностных лиц, представителей. 21. Выборный представитель. 22. Самоуправление. 23. Один из индустриальных центров Урала. 26. Союзная республика. 28. Ивовый кустарник. 29. Наука. 32. Обладание одинаковыми правами. 33. Собрание правил, определяющих устройство и деятельность организаций. 35. Спортивный приз. 36. Общественный строй. 37. Причина, побуждающая к деятельности. 38. Систематизированный свод законов.

По вертикали:

1. Промышленное предприятие. 2. Произведение искусства. 3. Одна из народностей СССР. 4. Свободное от работы время. 6. Руководящий орган. 10. Референдум. 12. Высказанное мнение, оценка. 13. Прибор для накопления электричества. 14. Наука о языке. 15. Понимание, толкование. 16. Материк. 18. Удобрение. 19. Ткань. 24. Руководство по прописыванию лекарств. 25. Механизм. 27. Вид транспорта. 30. Автомобиль общего пользования. 31. Посыльный. 34. Дежурство части судового экипажа. 35. Механическая обработка металла.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 48

По горизонтали:

1. Данко. 6. Подрамник. 9. Реконструкция. 12. Вальс. 13. Халва. 14. Хоста. 19. Традиция. 20. Луковица. 21. Портьера. 22. Осязание. 25. «Узник». 26. Вечер. 27. «Певцы». 30. Палеонтология. 31. Баркарола. 32. «Цветы».

По вертикали:

2. Аэростат. 3. Кемерово. 4. Довод. 5. Тиски. 7. «Женьминьжибао». 8. Мировоззрение. 10. Парафраза. 11. Отличница. 15. «Степь». 16. Щигры. 17. Курсы. 18. Катет. 23. Мечников. 24. Демокрит. 28. Декан. 29. Сопло.

...этом номере помещены: репродукция картины С. Фролова «Советские геологи», рисунок Н. Жукова «Начальник земснаряда 306 В. Михайлов» и шесть страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана

А — 07478. Подписано к печати 28/XI 1951 г. Изд. № 718. 5½ печ. л. Тираж 426 000. Заказ 2401. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Зима на Байкале.

Фото М. Дебабовой

Река Ангара.

Цена номера 3 руб.